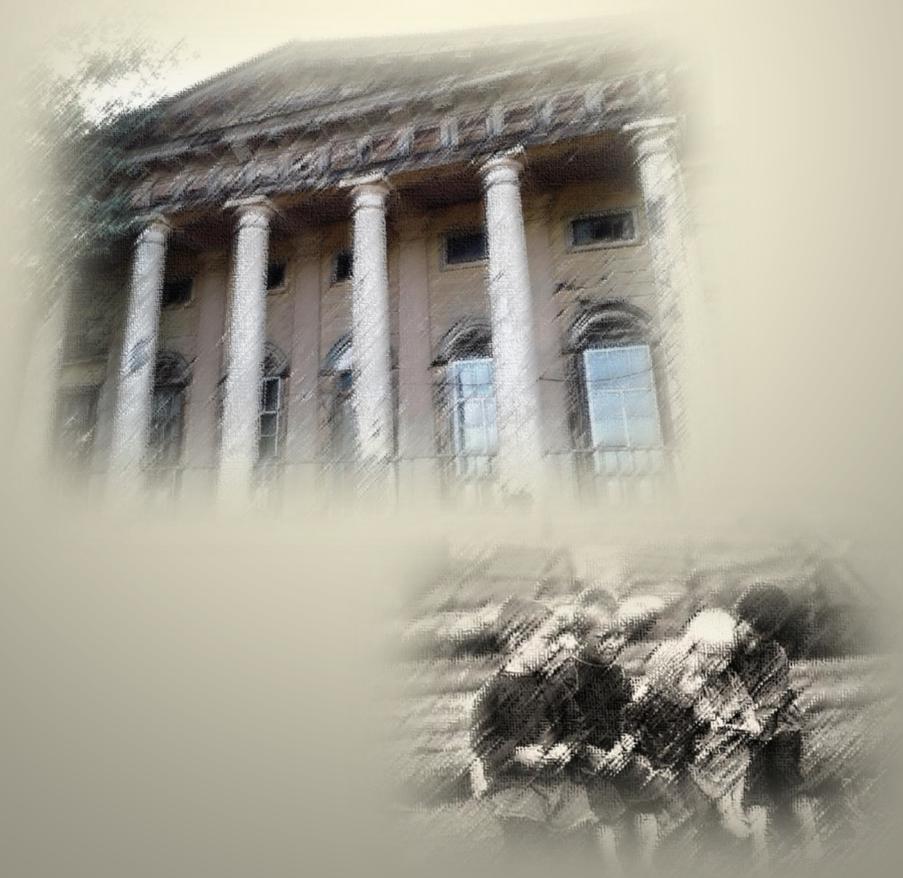

Владимир Доля

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Владимир ДОЛЯ

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

*Моей малой родине –
Великому Бурлуку –
посвящается*

Харьков

2021

УДК 821.161.1(477) –1

ББК 84(4УКР=РУС)6-5

Д64

Д64 Доля В. Т. **Военное детство. Рассказы в стихах.**
Стихотворения / Составитель Ю. В. Доля.
Харьков: 2021. 225 с.

ISBN 978-617-7897-37-7

Книга состоит из двух разделов. В первый раздел вошли стихотворные рассказы автора о наиболее памятных событиях военного детства, проведенного на Великобурлучине в 1941-1951 гг.

Второй раздел включает избранные стихотворения, посвященные страницам истории Слобожанщины, в частности, великобурлукского края, его живописным селам Подсереднему, Приколотному, Андреевке, его равнинным и холмистым полям и долам, зарисовкам картин природы в разные поры года и погоды, ностальгическим воспоминаниям о родных пейзажах и людях.

ISBN 978-617-7897-37-7

УДК 821.161.1(477) –1

ББК 84(4УКР=РУС)6-5

© Доля В. Т., 2021 г.

© Ю. В. Доля, составление, макет, обложка, 2021 г.

Доля Владимир Тимофеевич,
профессор,
кандидат экономических наук,
академик Академии строительства Украины,
Заслуженный профессор Харьковского национального
университета городского хозяйства имени
А. Н. Бекетова

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Об авторе

Родился в селе Великий Бурлук одноименного района на Харьковщине 20 октября 1936 г.; учился в Подсереднянской неполной средней школе (1944 - 1951 гг.), Харьковском индустриальном техникуме (1951 - 1955 гг.), Харьковском институте инженеров коммунального строительства (ХИИКС, 1955 - 1960 гг.), аспирантуре (1962 - 1965 гг.). В трудовой книжке В. Т. Доли значатся всего два места работы – в Южном НИИ промышленного строительства АСИА СССР в должности научного сотрудника с 1960-го по 1962-й годы и в родном ХИИКСе (ныне Харьковский национальный университет городского хозяйства имени А. Н. Бекетова) с 1962-го до выхода на пенсию в 2015-м году.

Преподавал экономические дисциплины «Эконометрия» и «Экономический анализ»; с 1973 г. почти двадцать лет руководил созданной им кафедрой «Экономика строительства», которая существует и поныне; издал восемь учебников и учебных пособий, в том числе шесть с грифом Министерства образования Украины. Был членом ученого совета, зам. председателя научно-методического совета университета. За успехи в педагогической деятельности награжден нагрудным знаком «За отличные успехи в работе» Государственного комитета по народному образованию СССР (1978 г.), премией Министерства образования УССР «За лучшую организацию научно-методической работы» (1989 г.), орденом «Знак Почета СССР» (1986 г.).

В. Т. Доля вел активную и плодотворную научно-исследовательскую работу в сотрудничестве с Министерством промышленного строительства СССР, Государственным комитетом по делам строительства УССР. Руководил разработкой вариантов законопроектов Верховного Совета Украины. За достижения в научно-исследовательской работе награжден медалью и дипломом Лауреата премии Академии строительства Украины имени М. С. Будникова.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

В. Т. Доле всегда была свойственна тяга к творчеству. Среди его увлечений и музыка, и изобразительное искусство, но его главным хобби на всю жизнь стала поэзия.

До недавнего времени мало кто знал, что он пишет стихи. В силу природной скромности и не желая предавать огласке свое поэтическое творчество, он никогда не стремился к публикации своих стихотворений. По сути, первая значимая публикация состоялась в изданном в 2017-м году и приуроченном к его 80-летию выпуске Альманаха музея Харьковского национального университета городского хозяйства им. А. М. Бекетова (можно ознакомиться по ссылке <https://drive.google.com/file/d/1UWHlqJvpjTGUpYWA6EoxjDYg4e30IsH1/view>). В Альманахе помещены подборка из 24-х разноплановых стихотворений, а также очерк юбиляра «Мои воспоминания», наполовину написанный в стихотворной форме.

В творческом наследии В. Т. Доли сотни стихотворений пейзажной, любовной, гражданской лирики, басни, детские стихи, афористические четверостишия. Есть у него и масштабные сочинения – шесть поэм, автобиографический роман в стихах, а также многочисленные рассказы в стихах.

Предлагаемая читателю книга состоит из двух разделов. Первый из них содержит цикл из 29-ти рассказов в стихах о собственном военном детстве, проведенном в Великом Бурлуке. Второй раздел включает подборку лирических стихов, навеянных воспоминаниями и ностальгическими переживаниями автора.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Автор о себе

Писать стихи я начал в школе,
Мне кажется, по Божьей воле.
С тех пор поэзией дышу,
А раз дышу, значит, пишу.
Поэзией одной живу я –
Без строчки день – пропавший день,
То, как оброком негодуя,
Преодолеваю блажь и лень,
То с упоением, то с тоскою,
То как пою, то будто ною.
Пишу, когда трясусь в трамвае,
Студентам лекции читаю,
Пишу, когда идёт Совет,
Когда затем спешу в буфет.
Я даже муками не маюсь –
Грызу словесную руду
И часто ночью просыпаюсь,
Коль самородок в ней найду.
«Ни дня без строчки!» – мой девиз,
И кнут, и пряник, и... каприз,
Как для иных... ЕС без виз. (23.11.2015 г.)

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО
Рассказы в стихах

*Памяти моих родителей Тимофея Степановича и
Ксении Евстафиевны посвящается*

22-е июня 1941 г.

Хоть семьдесят три долгих года
В историю жизнь унесла,
Я помню, какая «погода»
Кошмаром в наш город вползла.
Тот день – как отца день рожденья –
Мог стать самым светлым в году,
По воле ж судьбы воскресенье
Закончилось в страшном аду.
День двадцать второго июня
Для взрослых людей был, как шок.
Отец стёр со щёк моих «нюни»
И спрятал свой мокрый платок.
Родители всё же в награду

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Меня в зоопарк повели –
Я ламам скормил сквозь ограду
Ромашки, что рядом цвели...
Был город уже затемненным,
В трамваях горел синий свет.
Вокзал мне казался огромным,
А места свободного нет...
Уехали тёмным вагоном,
Плач девочки рвал тишину...
Отец вместе с дядей Семёном
Ушли поутру на войну.

22.06.2014 г.

Я – Света (июнь 1942 г.)

Дед объявил, что Немец в Приколотном,
Взял Подсереднее, на нас идёт.
О нём, как о чудовищном животном,
Молва по Бурлукам уже ползёт.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Раз он один, то значит – он огромный,
Невиданной силищи великан!
Ведь он один, коричневый и тёмный,
Поработил уже шестнадцать стран!
Конечно, он неслыханно могучий,
Страшней, чем молния и даже гром,
Он головою подпирает тучи,
Поля и хаты топчет сапогом.
По слухам, он девчат не убивает,
Зато мальчишек всех подряд на штык –
Нанизывает их и уплотняет,
Как дедушка нанизывал шашлык.
Такая разнеслась о немцах слава,
И все давай «девчонить» пацанов.
Мне сарафан пошила тётя Клава,
Мать вышила на нём двух мотыльков.
Украсил бант белесую головку,
И имя «Света» дед мне подобрал.
Я упирался, но носил обновку,

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Как и Сашко, который Веркой стал.
Плели веночки и играли в классы
Вчерашние мальчишки. Но... беда!
Всё ближе, ближе к нам рвались фугасы,
А под бомбёжками горели поезда.
И вот однажды вышли мы из хаты,
Вдруг видим – в жёлтом поле меж холмов
Не Немец, а немецкие солдаты
Шли с наглой песней, звоном котелков.
Нас ветром сдуло – в погребу укрылись,
Заклякли в страхе. Дед угрюм и хмур.
А немцы? Шумно у колодца мылись
И по дворам отлавливали кур.
Нашли в соседнем погребу поляка –
Повесили тотчас на журавле.
И в конуру забила собака,
И даже дятел спрятался в дупле.
Поляк висел с табличкою на шее:
«Я воровал». О, Боже, пощади!

Дед раньше видел на враче-еврее
Такую же табличку на груди.
Церковные сторожки одиноко
Торчали, точно пни, на пустыре.
Война ползла все далее к востоку...
Что ж нам теперь, девчачьей детворе?
Пора сменить бы грязный сарафанчик,
Но ведь девчоночьей одежды нет!
И я – белесый с бантом одуванчик –
С подружкой Веркой заимел секрет.
Решили втайне – вот пойдем купаться
И постираем платица свои.
Пока с Сашком мы будем бултыхаться,
Они просохнут. Батюшки мои,
Не тут-то было! Немцы в огороде
Рвут огурцы, выдергивают лук,
Внимания не обращают вроде...
Замерзли мы и под зубовный стук
За лозняком на солнышке пригрелись,

А на кустах сушилось «барахло».
Еще б минуточку, и мы б оделись,
Но не успели. Вот не повезло!
Вдруг явно слышим, немец окликает
И манит пальцем, мол сюда, *komm her*.
Что мы мальчишки, он, поди, не знает,
Хоть по погонам унтерофицер.
Нам голышом нельзя ведь показаться,
Но как при нем к одежде подойти?
И мы опять ныряем кувыркаться
И... как оглохли... Господи, прости!
Везет нам: унтер и его собратья
Разлили шнапс и залпом только... ух!
Мы с Веркой, быстренько напялив платья,
Рванули прочь во весь ребячий дух.
Тут унтер снова вырос перед нами:
«*Die nette Mädchen!*» Вот пристал, нахал!
И он над помидорными кустами
Жестикулировал и объяснял.

Мы поняли, что фрицу нужен спелый,
Очень большой и красный помидор.
И тут Сашко, на удивленье смелый,
Нырнул в кусты, как в заводи бобер.
Добыл он помидор проворней *Rabe*,
За что и получил по лбу щелчок.
Такие вот мы *Mädchen* 'ы, не *Knabe*!..
Неужто им уловка невдомек?!

19.08.2008 г.

Маруся

(осень 1941 – весна 1942 г.)

В ту осень гнали хмурые солдаты
Стада худых недоенных коров
В глубокий тыл вдоль нашей хилой хаты.
В бомбежках гибли дюжины голов.
Животные пугались самолетов,
От воя бомб неслись невесть куда,

От повседневных вражеских налетов
Никто не в силах уберечь стада.
Курящие погонщики дознались,
Что на селе живет табачник-дед,
И так по куреву изголодались,
Что без махорки жизни больше нет,
И обменять корову догадались
На табачок. А почему бы нет?
Дед согласился быстро и охотно –
Ведь он не спекулянт, он и не вор:
Хоть совесть и заныла у ворот, но
Привел корову дойную во двор.
Взмолилась бабка:
– Отведи, взбалмошный!
Грех на душу под старость не бери!
Ей голос деда, странный, все же мощный:
– В хлеву корове стойло прибери!
Зовут Маруся. Это все, что знаю.
По вымени и возрасту коров

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

От имени Маруси обещаю
Молочную реку без берегов.
Мой дед был прав: Маруся выдавала
В день три ведра парного молока.
Жирку в нем, правда, было, очень мало,
Но выживем с Марусей мы пока...
Она спасительницей оказалась –
Кисляк, творог и просто молоко
В достатке были, даже оставалось,
Вот без муки и соли нелегко!
Дед раздобыл две выварки крахмалу,
Так что кисель молочный стал в ходу.
Его мне съесть тогда пришлось немало...
Как благодарен я за ту еду!
Незаменимой Манька наша стала –
Пожитки наши, как ни тяжело,
Как вьючное животное таскала
В скитаньях горьких из села в село.
От немцев бегали: в Подсреднем жили,

В Михайловке и в Хатном мы потом.
Нас ангелы небесные хранили,
Делились с нами верой и теплом...

07.01.2020 г.

Выстрел
(май 1942 г.)

В большой семье у всех мальчишек
Найдется танк и пара мишек,
А также старшие их тетки,
Болтливые, ну как трещотки,
То молчаливы, то суровы,
Застенчивые, словно совы,
Как у меня вот для примера
Две тетушки – Галина, Вера.
Семнадцать Гале, Вере двадцать,
И с ними можно поиграться.
Однажды прыткий лейтенантик,

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Какой-то пестрый, словно фантик,
Затеял с тетками «игрульки»,
Но те ему крутили «дульки».
Любил возиться с пистолетом:
Ложился с ним на стол «валетом»,
Подбрасывал его и ловко
Всем демонстрировал сноровку –
Ловил, а палец с многих точек
Ложился плотно на курочек.
И тетки делано смеялись,
Но фокусами восторгались.
Заигрывая, стал девицам,
Которых уподобил фрицам,
Разыгрывать шальные шутки
И, напевая прибаутки,
Ко лбу Галины черной сталью
Вдруг приложился...
– Нет! Не в Галю
Стреляй, негодник! Лучше б было,

Когда бы ты стрельнул, «дурило»,
В свой лоб, как будто для примера, –
Почти вскричала тетя Вера.
– Вы что?! Да я же шутки ради...
Я не готов к такой награде, –
Сказал он просто: – Только щелкнет
И сразу же совсем умолкнет.
Патронов в пистолете нету, –
Он улыбнулся пистолету.
– Так прямо в лоб?! Могу!...
И грохот
Раздался в комнате, как хохот
Разящей все огнем геены
Сильней фугаса и сирены...
А лейтенант – чего же хуже? –
Уж весь лежал в кровавой луже...
О, Боже! Как же все случилось?!
Какое горе вдруг свалилось!
Вокруг засуетились люди –

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

О, Господи! Что ж теперь будет? –
Старухи, дети и солдаты
Толпились возле окон хаты.
Мой дед сказал:
– Мой внук и дочки
Стрелять не могут! Все!! И точка!
Явились вскоре и майоры –
Спецы из СМЕРШа, прокуроры:
– Так кто?!.. И почему стреляли?
Все хмурились и лишь молчали.
Дед повторил свою тираду,
Наверное, раз пятый кряду.
– Молчите?! Что же, разберемся.
А до «стрелка» мы доберемся!
– Он сам стрельнул! – сказал Вера
И глаз не сводит с офицера.
– Как сам?
– Шутил и дошутился...
Он Галю застрелить грозился!..

Два дюжих молодца-атланта
Забрали деда, лейтенанта,
Патроны, гильзу с пистолетом
И унеслись с попутным ветром...
Вернулся дед, довольный, смелый
И от успеха... обалделый.
Так Вера, верьте аль не верьте,
Спасла сестру от верной смерти.

02.09.2020 г.

Прометей
(1941 – 1942 гг.)

Война идет уже год с лишним кряду.
Могилами укрылась вся страна.
Фронт подкатился ближе к Сталинграду,
И осквернилась волжская волна.
Жизнь усмирилась, будто неживая.
Хлеб, спички в Бурлуке не продают.
Лес, огород, от голода спасая,

Отдать нам Богу душу не дают.
Мой дед Евстафий в слободе Больничной
В годину ночи пасмурного дня
Благодаря своей натуре личной
Заделался хранителем огня.
Он до войны был славен самосадом,
Растил табак, неистово курил,
Имел кресало, лупы, все, что надо,
Чтобы очаг его всегда дымил.
Дождливой непогоды дни в ту осень
Тянулись неделями подряд.
Фитиль сырой, и не проглянет просинь...
– Дай, дед, огня, – сельчане говорят.
Дед круглосуточно курил, лишь чтобы
Не гас в его слободке огонек.
Шли через лужи, снежные сугробы
В его избу за ходоком ходок...
Дед за войну так сильно прокурился,
Что, как ни крепок духом, телом был,

С туберкулезом легких не ужился
И вскоре преждевременно... почил.
Все, кто его со скорбью хоронили,
Спят под крестами здесь невдалеке...
Не отыскали мы его могилы
На кладбище в Великом Бурлуке...

26.12.2019 г.

Фриц и лошадь
(июль 1942 г.)

Летний полдень пропах молочаем.
Мы с Сашком на пруду загораем.
Недалече худой, без ремня,
Рыжий немец купает коня.
Лошадь фыркает, немец икает,
Видно, холод его пробирает.
Шею лошади щёткою трёт
И при этом гнусаво поёт.

Нам с Сашком наблюдать надоело –
Эка невидаль! Это ли дело?
Мерин, ноздри раздув широко,
Вместе с фрицем заплыл далеко.
Сотни солнц в бликах ряби блестели,
Вербы в зное полуденном млели.
Возле лодки седло на земле,
Френч с железным крестом на седле.
Мы решили и просто, и быстро
Проучить хорошенько фашиста!
Френч, пилотку и всё до ремня
Увели среди белого дня.
Все трофеи в лозняк оттащили
И в болоте шестом утопили.
Убежав, в камышах стали ждать,
Как наш фриц будет голым плясать.
Фриц, едва обнаружив пропажу,
Заметался, как угорь, по пляжу,
Прыгал сзади и спереди пня.

Это ж надо! Средь белого дня!
Без ремня, униформы, пилотки
Долго бегал он около лодки.
Безутешный, уселся на ней.
Был он, видно, Горыныча злей.
Лошадь рядом стояла понуро
И глядела на голого хмуро –
Был он мил её сердцу в крестах.
Жалок фрицушка в мокрых трусах!
Оседлал её фриц и поехал.
Нам смешно, а ему не до смеха!

30.10.1981 г., с. Великий Бурлук

Бинокль
(июль 1942 г.)

Знойный полдень пропах молочаем,
Мы за фрицем с Сашком наблюдаем.
Вытирая пилоткою пот,
Он залез почти весь под капот.

Фриц возился с мотором машины,
То давил на педаль из кабины,
То опять забирался в мотор,
Но никак не включался стартер.
Наконец, скрючив толстую спину,
Рыжий немец залез под машину.
Мы приблизились, стали смотреть,
Что б такое у немца «спереть».
Взад-вперед мялись мы вдоль машины
И в открытые дверцы кабины
Рассмотрели как есть все нутро.
Там такое лежало добро!
Молотки и ключи разводные,
Гайки, шайбы, пружинки стальные,
Плоскогубцы, отвертки, фонарь,
Зажигалка, сверло, портсигар.
Вдруг восторг чуть не вырвался воплем:
Все добро заслонилося биноклем!
Глаз с бинокля на йоту не сводим,

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Ближе, ближе к биноклю подходим...
Хвать его за тугой ремешок!
В тот же миг со всех ног наутек!
Мы так быстро и шумно бежали,
Только пятки за нами сверкали.
Фриц загреб, как клешнями, ногами,
Вмиг вскочил и погнался за нами.
В три прыжка нас верзила догнал,
Молотком, монтировкой махал.
Я отстал от Сашка. Эка жалость,
Но силенок бежать не осталось.
Прыткий немец уже настигал
И в затылок, как мерин, дышал.
Я, от страха не видя дороги,
Бросил фрицу бинокль свой под ноги.
Но погоню продолжил мой враг.
Впереди был крутящий овраг!
Я не спрыгнул в него, а скатился.
Немец сдался и... остановился

И из виду меня потерял –
Я в колючий кустарник пропал.
Из-под майки, штанишек дырявых
Кровь сочилась из ссадин кровавых...
Знойный полдень пропах молочаем.
Мы с Сашком со слезами глотаем
Свой позор. Ну, и немец попался!..
Только б дед про бинокль не дознался!

22.02.2008 г.

Грона
(лето 1942 г.)

Мастерил я с дедушкой не розы –
Самолеты всяких там систем:
Истребители и бомбовозы...
Их зеленкой красили затем.
Мы все время этому занятию
Отдавали днями целиком,

Разместили прямо под кроватью
Самолетный плац-аэродром.
Я и звезды алые на крыльях
Красной бузиной нарисовал.
Думали уже об эскадрильях,
Да аэродром был слишком мал...
Немцы жили в хате. Погреб летом
Начали семьей обживать.
Трудно было с сыростью и светом –
Не впервой пришлось к ним привыкать.
Немец интересный нам попался –
Не такой, как все, ну не такой!
Он со мной возился и игрался,
Если был наедине со мной.
Видел, как я на столе рисую
По доскам разводами воды –
И ложились на доску сухую
Мокрые дома, вокруг сады.
Он не немец, вскоре сам признался –

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Итальянец! Дома у него
Вточь такой, как я, сынок остался,
Любит до беспамятства его.
Приносил карандаши, бумагу –
Стал я самолеты рисовать.
Превратив свой интерес в отвагу,
Вместе с ним залезли под кровать.
Там мои увидев самолеты,
Звезды повелел затушевать,
На их месте черные, как ноты,
Крупные кресты нарисовать.
– Немцы не простят, когда увидят
Эскадрилью целую твою!
Кровно звезды ваши ненавидят!
Расстреляют всю твою семью!
«Грона» звали немца-итальянца,
Он и не солдат, а музыкант.
Странно видеть, как у иностранца
Из-под френча виден желтый бант...

В эту ненавистную годину
В смеси дыма, крови и огня
Вся его любовь к родному сыну
Вылилась всецело... на меня.

08.01.2020 г.

Диверсант
(август 1942 г.)

Хлев коровий и две трети хаты
Немцы приспособили под склад.
Были там патроны и гранаты,
Мины и снаряды – все подряд.
О! Боеприпасов было много.
И, представьте, не прошло и дня,
Охранять все это стали строго
От кого-то. Но не от меня!
В ящиках большущих из картона
Было много меньших коробков,
В каждом – много пачек для патронов,

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

В пачках – сплошь обоймы для стволов.
Очень уж мне нравились коробки
С надписями, цифрами на них.
Я насобиравал их аж две стопки –
Немчура разбрасывала их.
Но мне было мало! В непогоду,
Если немцы спят, как глухари,
Я тайком тащил по огороду
Ящички с коробками внутри.
В огороде был овраг глубокий –
Я свой груз к нему и доставлял.
Там, раздув от восхищенья щёки,
Пребольшущий ящик раскрывал.
Мне патроны ни к чему! Навалом
Я бросал их пригоршней в овраг...
Знай, фашист, почём пампушки с салом!
Знай, что ты здесь оккупант и враг!
Два-три ящичка стащил исправно,
Но потом я мог бы невзначай

Завершить диверсию бесславно,
Будь он немец, а не полицаи!
Этот кто-то, толстый, как ропуха,
Подошел неслышно за спиной,
Больно ухватил меня за ухо
И приподнял, помню, над землей.
– Ты, – орал он мне, – хоть понимаешь,
Что творишь, негодник!.. Мать твою...
Разве ты... мать-перемать... не знаешь –
Расстреляют всю твою семью!!
Коробки запрядь в кустах колючек
Так, чтоб не осталось и следа.
И запомни: чтоб подобных штук
Я не видел больше никогда!
Понял? – и пошел себе обратно
Жалостливый толстый полицаи...
Дед мои мозги прочистил внятно
И вlepил мне строгий нагоняй.
Было мне и больно, и обидно,

Стыдно за провал. Что ж, нет так нет!

Но конца войны еще не видно..

Как же воевать-то будем, дед?

03.08.2008 г.

Огурец
(сентябрь 1942 г.)

Однажды в наш погреб, сырой, небогатый,

Ввалился толстенный немецкий солдат.

Визгливо крикливый, с рукой волосатой,

Принес котелок свой пустой в аккурат.

Пыхтел и сопел, объяснялся невнятно,

Руками махал, по-немецки орал –

Он думал, что нам, что он хочет, понятно,

Поэтому злился, на бабку напал.

Она каменела, бледнела от страха.

Он ткнул пальцем в кадку,

но что тем сказал?

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

(Какой же тупой он, пузатый невдаха!
И кто ж его только зачем-то послал!)
Фриц вдруг озарился,
достал свой бумажник,
Бумаги листок, карандаш, наконец,
И вдруг, как художник и опытный бражник,
Бабульке он нарисовал... огурец!..
И бабушка наша всплеснула руками:
«Вот так и сказал бы! Давай котелок!»
Дала огурцов. Немец зыркнул глазами,
Ушел, переваливаясь, как мешок.
Минуту спустя немец снова явился
С тем самым, но полным уже котелком,
И в нем шоколад в теплой каше дымился!..
Но дед лишь промолвил:
«*Sehr gut*, костолом!»

10.01.2020 г.

Фонарь
(ноябрь 1942 г.)

Ноябрь, ненастье. Трудно стало
Не то, что видеть – говорить.
Тепла совсем осталось мало –
Входную дверь пришлось закрыть.
И в погреб темень воцарилась,
Как ночь темна, как смоль черна!
Теперь уж вся семья молилась,
Чтоб в склепе не сойти с ума.
Мои дядья вдвоем шептались,
Какой-то заговор плели
И выход, как они признались,
Весьма рискованный нашли.
Один из них в окно видал
И фонари, и батарейки,
Но как добраться к ним, не знал
Без нюха опытной ищейки –
Ведь в хате немчуры навалом!

Галдят и пьют свой мерзкий шнапс
Подряд уже который час
И заедают нашим салом.
Наступит ночь, они напьются
И захрапят, как глухари,
А батарейки – целых три! –
Без надобности остаются.
К полуночи мне на ведро
Понадобилось очень срочно.
Ответил дядька мне: «Добро!
Скажи, ты все запомнил точно?»
Он, соблюдая нашу «спайку»,
Отдал мне валенки, фуфайку,
В пригребницу меня провел,
Перекрестил, и... я пошел.
Не помню, как остановился,
Нажал на дверь – засов открылся,
А в хате храп и... тишина.
Я пробираюсь до окна,

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Боюсь, не хватится ль бандит.
Но немчура уж крепко спит.
Один, на стульчике качаясь,
Упасть решил, не просыпаясь.
Его я еле обошел
И то, что надобно, нашел:
Схватил фонарь, три батарейки.
Вдруг свет от лампы-трехлинейки
На счастье мне погас – пропал.
Со стульчика фашист упал...
И тут такое разразилось,
Что нам и в погребке не снилось!
Я пулей выскочил из хаты,
Пока в ней «чухались» солдаты.
Никто заметить не успел,
Как я уж в погребке сидел.
Проснулись немцы – крики, гвалт!
Кричали: «Партизанен, *halt!*»
И так неистово орали,

Не целясь, наобум стреляли,
Но спьяну вряд ли понимали,
Что с ними только что стряслось...
А нам понервничать пришлось!
Два фрица в погреб к нам ввалились –
Их фонари глаза слепили, –
Но партизан здесь не нашли
И, обозленные, ушли.

11.01.2018

**Мой дед
(декабрь 1942 г.)**

*Моему деду Евстафию Васильевичу Чухилю
посвящается*

Холодной зимою, дня два иль три кряду
Тянулся к востоку немецкий обоз.
Оружие, видимо, шло к Сталинграду,
Но немцев погреться гнал в хаты мороз.
Мороз лютовал, а на фрицах пилотки,

Шинельки праховые и сапоги.

Эсэсовцы кутались в женские «шмотки»,

Но жалко их не было: немцы – враги!

Однажды вошли к нам погреться с десяток

Солдат обмороженных и офицер.

Приветствуя их, дед мой был очень краток:

– *Gut Morgen! Sitz am Tisch,*

sehr kalten komm her!

(Мой дед был в плену и, пока там скитался

В шестнадцатом, кажется, помню, году,

Слов, фраз немчуры сотни две нахватался –

Теперь у него лексикон тот в ходу.)

Майор снял картуз свой, и лысое темя

В избе засияло, как яркий фонарь.

Был очень суров – или грех, или бремя

Несла на себе эта мерзкая тварь.

Играл я с мячом. Самодельный, прыгучий,

Он прыгал от пола и от потолка,

От стенки до стенки он мышью летучей

Носился, как молния, быстро, пока...
Не врезался в лысое темя майора!
Солдаты заржали. И тут офицер,
Открыв кобуру, щелкнув сталью затвора,
Вскочил с табуретки, в руке – револьвер!!
Погнался за мною, я – пулей из хаты,
Босой, почитай, и раздет, на мороз.
Потупились в пол и умолкли солдаты,
Забыв про устав, про войну и обоз.
Дед бросился к фрицу:
– *Mein her! Er ist Kinder!*
Er krank, ober her! Es heil Gitler! Sehr gut!
Майор молвил сухо:
– *Ich Hellmut fon Minder!*
Du sprechen gut Deutsch?!
Und warum nicht caput?
Дед врал, что немецкий учил он и верил,
Что немцы свободу сюда принесут.
Фон Миндер глаза водянистые вперил

И деду сказал по-немецки: «*Sehr gut!*»
Майор поражен был, что в самой глубинке
Российской деревни нашелся старик,
Который прозрел и учил по старинке
Для пользы России немецкий язык!
Фон Миндер застыл и на миг стушевался,
А дед тараторил все те же слова.
Я прыгнул в сугроб и в снегу затерялся,
Осталась видна лишь моя голова.
Всю сцену в окно наблюдала соседка,
Не мешкая бросилась в стужу за мной:
– Да кто ж тебя так? Заберу тебя, детка!
Согрею тебя на печи духовой!
Она, сердобольная, будто монашка,
Схватила меня и к себе унесла.
Я знал только имя ее – «Мотанашка»
И то, что бездетною вроде была.
Что было потом? Знаю лишь понаслышке,
Но главное то, что мой дед меня спас!

А дом Мотанашки казался мальчишке,
Что он и не дом-то, а иконостас...
Вот так дед Евстафий Василич, бывало,
Улаживал с немцем конфликты не раз.
Я случаев этих запомнил немало,
Когда будет время, и будет рассказ.

24.07.2008 г.

Танк
(январь 1943 г.)

*Моему деду Степану Григорьевичу Доле
посвящается*

Сплошная темень, сырость, мрак,
Болезни, прочая суровость
Нам были в погребе не в новость,
Мы к ним прижились кое-как.
Под нами овощей в достатке –
Полно в дежах и в закромах.
А соль и сахар – дело *schwach*,
Да сухарей остатки сладки.

Дед с бабой, тетка и дядя,
Сестричка, мать моя да я –
Убежищем, вотще спасеньем
Наш погреб стал трем поколениям.
Как хорошо, что в сорок первом,
Когда у всех сдавали нервы,
Мой мудрый дед его разрыл,
Что надо было, починил
И, главное, его накрыл
Дубками плотно в два наката,
И погреб стал прочней, чем хата.
Мы сутками сидели в нем
С одним на выходе ведром.
Теперь нам стали нипочем
Ни артобстрелы, ни бомбежки,
Но немцы, унтеры и сошки,
Нам досаждали, как могли.
Однажды, только спать легли,
Мы слышим гул грозы сильней.

Дед стал молиться все слышней.
Мы уши в ужасе зажали,
Но лязги траков услышали –
Видать, на погреб въехал... танк...
Накат под ним не провалился,
Танк сдал назад, остановился,
Рванул опять уже ва-банк.
На погребу танк развернулся,
Замерзший снег и грунт вдруг вздулся,
Мотор ревел, накат прогнулся,
Посыпалась земля на нас.
Спросить бы гада: «*Was ist das?*»
Но душегуб не унимался...
Мотор заглох... И немец сдался.
Он понял: танка маловато
Разрушить погреб в два наката!
Дедусь наш дочитал молитву
И выиграл у немца битву.

09.01.2018 г.

**Фон Макарыч
(1942 – 1943)**

Война ураганом носилась
По полям и нивам родным.
Пожаром страна обагрилась
И солнце затмил черный дым.
Сгоревшим селом ветер свищет,
Неубранный колос поник.
В проклятиях на пепелище
Застыл одиноко старик.
Напрасно взывал старец к Богу –
Оглох Бог, ослеп и умолк!
Старик тщетно ищет дорогу,
Как загнанный гончими волк.
Война сыновей и старуху
Забрала в извечную тьму.
Но как же за кровь и разруху
Отмстит он врагу своему?!
Ушел дед в леса, к партизанам

Лошадную сбрую чинить.
К душевным прикладывал ранам
Свободу и жажду отмстить.
Макарычем деда прозвали
И приняли, как своего.
Бойцы хорошо понимали
Святейшую правду его.
Окрепнув, просил командира
К разведчикам определить:
Мол, стар и хромой (для близира!),
Ему и в разведку ходить.
В разведку Макарыча взяли –
Добился-таки своего.
Не раз и не два посылали
В разведку его одного.
С клюкой и сумой он скитался
По селам и по хуторам,
И все понимали: он взялся
За роль по плечу и мозгам.

Макарыч, конечно же, мститель
Во-первых да и во-вторых.
Проснется ли в старце грабитель
В условиях, скажем, иных?
Однажды в нескошенном поле
На спящего немца напал.
Дед думал иначе, тем боле
Его автомат подобрал.
Макарыч считал, что убитый
Хорош будет и без сапог,
И тут же вполне деловито
Стал стаскивать оные с ног.
Фриц быстро вскочил, автомат же
Увидел у деда в руках.
Макарыч хихикнул – а как же,
Делишки у немца-то *schwach!*
– *Komm her! Hände hoch!* И спокойно
Вперед! Прямо в лес! Не шуметь!
И фриц по-арийски достойно

Пошел за Дойчланд умереть.
Вот так, соблазнившись добычей,
Макарыч привел «языка»,
Хоть фриц был без знаков отличий,
Не унтер уж наверняка.
Язык оказался майором,
Штабным, да еще и SS.
Полезно ведь быть мародером,
С трофеем ты или же без!
Майор стал поистине кладом
Шифровок, приказов и карт.
Макарыч дымил самосадам
И хвастался, как Бонопарт.
«За пленение фашиста
С именем фон Шнеерзон
Дед Макарыч очень быстро
Заслужил приставку «фон».
Так в лесу, в облоге сгарищ,
А не в штабе – очень жаль! –

Наш разведчик фон Макарыч

Получил свою медаль!»

26.09.2008 г.

Ракетница
(февраль 1943 г.)

Разбили немчуру под Сталинградом.

И натиск красных был такой шальной,

Что немцы снова очутились рядом,

Не в *Drang nach Osten*, а на запад свой.

В Великом Бурлуке не задержались,

Без боя оставляли наш район.

Оружие собрали, пререкались,

Слышна ругня, металла перезвон.

К утру мой дед обычно в чем попало

Заторопился по нужде в клозет.

Глядь, немцев во дворе осталось мало

И все спешат, в окне зашорен свет.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Дед огляделся незаметно, спешно
Схватил чего-то и его в сугроб.
Вернулся в погреб, захрапел, конечно,
Досматривать сны старческие чтоб.
А поутру, как выбрались наружу,
Увидели, что немцев нет нигде.
Я помню ту заутреннюю стужу
С сосульками у деда в бороде.
А дед сиял! Снега месили танки
С гвардейскими значками на броне!
Солдатские со звездами ушанки
Звездились у танков на спине.
А земляки шумели вдоль дороги,
Приветственно крича: «Ура! Ура!»
Кричал и я, и, хоть замерзли ноги,
Я понял, что удрала немчура.
Дед зась в сугроб и хватить из снега быстро
Огромнейший латунный пистолет.
– Ракетница, – вердикт специалиста

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Определил трофею храбрый дед.
– Ну, что ж! Пальнем
 ракетницей по фрицам!
И он, прицелившись, спустил курок.
Ба-бах!! И хвост огня вдруг стал светиться,
Увлёк ракету прямо на восток.
Она – сигнал немецким минометам
Ударить утром красным прямо в лоб.
Но дед сорвал атаку и... чего там,
Заставил немцев драпать прямо в гроб.
Отход у немцев вновь не состоялся,
Пришлось бежать, лицом ударив... в снег.
Украсть ракетницу ведь догадался,
Конечно, выдающийся стратег!..
«Что такое? *Was ist das?*
Немцы драпают от нас!»
Мой дед пропел известные частушки
И закурил турецкий самосад.
Заговорили где-то рядом пушки,
А в райбольницу въехал медсанбат.

05.08.2008

Оркестр
(лето 1943 г.)

Гильзы от патронов и снарядов
Я из любопытства собирал,
Выстроив в порядок ряд за рядом,
По бокам железкой постучал –
Звонко восхитительные звуки
Разлетелись вдруг по сторонам!
Я стучал, не унимались руки,
Музыка звучала тут и там!
По калибру выстроил патроны,
Крайний левый, будто тигр, рычал,
Каждый новый выше на полтона,
Крайний правый, словно мышь, пищал.
Чем же это не клавиатура,

Я само собой сообразил.
Так пришла в наш тихий двор культура,
Веселее он с тех пор зажил.
Звук в мелодии пошел сливаться,
Вальсы, марши сами родились,
«Гром победы...» начал раздаваться,
Песни вольным ветром понеслись.
Вскоре и в соседней Бураковке
Загремел такой, как наш, оркестр!
Подражали все такой «обновке»
В слободах бурлукских и окрест.

10.01.2020 г.

Школа (осень – зима 1943 г.)

Пошел я в школу в сорок третьем,
Едва освободили нас.
В ней, раньше бывшей сельсоветом,

Имелся-то один лишь класс.
Кто до войны учился в школе,
Тех всех свели в четвертый класс,
А тех, кто нет, – тех поневоле
Собрали в первый в самый раз.
Класс был без окон, без дверей,
Но в два ряда столы и лавки,
От них занозы, как булавки,
Вонзались злей лесных клещей.
Аж две доски висели в классе –
Одна как раз против другой!
(Какому ж это дяде Васе
Пришел на ум курьёз такой?)
Мы, первачки, сидели справа,
Затылками ко входу в класс,
Четвероклассников орава
Сидела слева и в анфас.
Учительница в нашей школе
Была одна для всех наук.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

(Так продолжалось, аж доколе
Не появился наш физрук.)
Верванна нам казалась серой,
Непримечательной ничем,
Ее все звали тетей Верой
И нравилась она не всем.
Когда она вела в четвёртом
По географии урок,
То мы на глобусе потёртом
Искали север, юг, восток,
И счёт на палочках бросали,
И арифметика не шла –
Нас, первоклашек, занимали
Четвероклассников дела.
Зато, когда решить задачу
Нам, первакам, не по зубам,
Четвероклассники на сдачу
Охотно помогали нам.
Тетрадей мы тогда не знали,

Ни школьных перьев, ни чернил,
Раствором марганца писали.
Пером гусиным выводил
Я каждой буквы по две строчки
На бланках, полосах газет,
Украшил кляксами манжет
Своей единственной сорочки.
Чумазные мы и худые,
Ходили в школу босиком,
Пока загривки трав сухие
Заиндевелись серебром.
Засентябрило очень рано,
А в школе ни угля, ни дров.
Физрук бывал все чаще пьяным,
Тянул рубли с учеников
И говорил, что-де, мол, надо,
Чтобы дровишек подвезти –
Буржуйка «жрала» все, от чада
Ни глаз, ни горла не спасти.

Всех первоклашек до едина
Буквально за день или два
В постель свалила скарлатина –
Температура сорок два!!
Учеников свезли в больницу,
Не уклонился ни один –
Придется в ней теперь томиться
Сорокадневный карантин.
В больнице так же, как и в школе,
Опять же ни угля, ни дров,
И мы, как кролики в неволе,
Дрожали, слыша стук зубов.
На нас солдатские рубашки,
В подушках – мох и осока.
Голодные, играли в шашки
И в подкидного дурака.
Таблеток нет, зато уколы
Кололи каждый божий день.
Верванне приносить из школы

Уроки стало просто лень.
В палате лишь чуть-чуть светился
Косяк окна под потолком,
И всяк из нас к нему стремился
Ко льду и снегу за стеклом.
Любили бегать в коридоре,
Когда там пол помоют впрок, –
Он, мокрый, замерзал и вскоре
Был гладким, скользким, как каток.
Скользались, падали на попу
На голую под визг и смех.
Врач выбегал, на всю Европу
Орал на нас, орал на всех.
Хоть голод, говорят, не тетка,
Страдали мы не от него –
Как тиф, заразная чесотка
Разила нас страшней всего.
Зуд донимал, сочились раны,
Расчесанные до крови.

В больнице не было охраны
И никого, как ни зови.
Поэтому те, кто постарше,
Бежали втихаря домой.
Их санитар гонял на марше,
Случалось, брал их под конвой.
Меня украли из палаты
И утащили в кожухе.
Я счастлив был от теплой хаты
И рад картофельной ухе.
Чесотку вылечили. Школу
Закрыли аж до сентября.
Вот так к ученому престолу
Я в первый раз пошел зазря.

07.09.2008 г.

Кизяковая канонада
(зима 1943 – 1944 г.)

С топливом бурлукские деревни
Были в затруднении всегда.
Кизяком топили – способ древний
Мог быть и опасным... иногда!
К лету во дворах навозной кучей
Преграждался в хлев коровий ход.
Как распорядиться ею лучше,
Знал издревле разбитной народ.
Весь навоз водою разжижали,
Припасали за станком станок
И в станках навоз сырой топтали
И несли сушить на солнцепек.
Блоки кизяков на солнце сохли,
Брали все, что нужно, от земли,
Если куры – чтоб они оглохли! –
Их ногами вдрызг не разгребли.
Складывали весь кизяк в сарае,

Чтоб не отсырел до холодов.
А зима была тогда шальная:
Немцы отбивались от бойцов
Наших, что с востока наступали,
Дали фрицу хорошо понять,
Что удержится он здесь едва ли
И придется спешно удирать.
Спрятавшись за кучами навоза,
Немец-пулеметчик все строчит.
Вот тогда и вызрела угроза
Разрушенья грубки и печи.
И у кучи тьму боеприпасов
Затоптали фрицы в снег, в навоз,
Превратив их в тысячи фугасов,
Чтоб разрушить грубку, печь вразнос.
Осенью мы теми кизяками
Нашу печку начали топить
И – о Боже! – жили здесь годами,
А теперь не можем больше жить!

Вход на кухню – надо ли, не надо –
Наглухо придется заложить:
Там гремит такая канонада,
Что всю хату может разбомбить!
Кизяки в печи взрывчаткой стали!
Это не смешно – стрельба, беда!
Чугунки до потолка взлетали,
Разлеталась в кухне вся еда.
Не у нас одних такое было,
Дед был наготове каждый час:
– Стрельбище на кухне – очень мило!
Главное – война ушла от нас!

09.01.2020 г.

Весна
(1944 – 1945)

Детишки вышли из землянок
Навстречу солнцу и траве

С игрушками из склянок-банок,
С пилотками на голове.
Девчонки – те играли в классы,
В войну играли пацаны,
В их играх пыльные фугасы
Напоминали дым войны.
Отстраивали в селах хаты
Вчерашние бойцы-солдаты,
Кто без ноги, кто без кисти,
А кто и... Господи, прости!
Глаза искрились молодые,
Чубы вихрастые, седые,
В руках лопаты, топоры...
Теперь враги – лишь комары.
К выдавшей виды гимнастерке
Шли сапоги, штаны-опорки...
Двух ребер, пол-лопатки нет,
Но есть медаль, военбилет.
Незаживающие раны

На теле, в сердце и в душе
До боли терпят ветераны,
Сразившие врага в туше.
А босоногие детишки
Впервые в руки взяли книжки
И от зари и до зари
Все тычут пальцем в буквари.
Такие вот картинки были
В оживших селах, хуторах:
И огороды посадили,
И хлеб засеяли в полях.
Год повоенный сорок пятый
Взошел из горя, как шальной,
И ветер звонкий и крылатый
Повеял снова над землей.

10.01.2020 г.

ОТЕЦ

Поэма

(июнь 1941 – август 1945 г.)

Плен

Отец был командиром роты
Её величества пехоты,
Пахавшей землю животом
И под дождём, и под огнём.
От Киева из окруженья
В тылу врага пути искал,
Не раз, не два вступал в сраженья,
Пока всю роту растерял.
Патроны кончились. Ранений
Достаточно на смерть и тлен.
Итогом голода, лишений
Стал горький, ненавистный плен.
В Полтаве немцы погрузили
Военнопленных в товарняк
И малой скоростью пустили

В германский тыл на Сагайдак.
На крыше заднего вагона
Установили пулемет.
В конце, в начале перегона
Конвой проделывал обход.
И офицеры, и солдаты
В плену ровнехонько равны.
В петлицах ромбы и квадраты
Теперь уж были неважны.
Все думали одно: бежать бы!
Но как открыть засов ворот?
Эх! Остальное все до свадьбы,
Как говорится, заживет.
Нашёлся кто-то, изловчился
Просунуть руку в пустоту.
Лишь створ ворот чуть-чуть раскрылся,
Все стали прыгать в темноту.
Состав тотчас остановился,
Свинцом плевался пулемет,

Во внеочередной обход
Взвод автоматчиков пустился.
Стреляли немцы наугад,
Пугая лишь мышей летучих.
Ночь скрыла пленников везучих,
Их не вернуть уже назад.

Скитания

Отец залез в скирду соломы
И затаился до утра,
Но не было ни сна, ни дремы –
Носилась рядом немчура.
А поутру пришли крестьяне.
Выказываться или нет?
Ведь в гимнастерочном кармане
Хранились письма, партбилет...
Окликнул дедушку с косою.
От нерешительности дед
Присел как раз перед скирдою

И... протянул отцу кисет.
Увидев форму и петлицы,
Вскричал:
– Господь тебя спаси!
– Да не кричи! Ты мне водицы
И одежонку принеси.
– Счас прынэсу! Туды, обратно –
Я буду, мабуть, через час.
А ты сыды и жды! Понятно?
Дедусь ушел. Отец тотчас
Ползком, скрываясь за туманом,
Отполз в посадку. Может, дед
Сюда вернется с гауптманом!
А старика все нет и нет.
Один вернулся! А в котомке
Нашлись рубаха и штаны,
Лук, сало, хлеб в румяной кромке.
– Ты с эшелона? Так воны
Усих живых переловылы,

Ще вдосвита состав пишов.
Убытых мы захоронили,
А декотрым народ дав кров –
Сынив, плэминныкив надбав.
Отож и ты – чым тут зарадыш! –
Мене старого-то не зрадыш! –
Пойиж, одинься. Я чував,
Що фронт дистався вже до Валок...
Послышался мотор из балок,
Приблизился мотоциклист,
Мордатый, рыжий пан-фашист.
Грозил он батракам:
– Работай!
А то отправлю вас в Дойчланд!
И, захлебнувшийся икотой,
Уехал унтерлейтенант.
Так в Решетилловском колхозе
Отец нанялся батраком –
Копался в поле и в навозе,

Гнул спину... Так. А что потом?
Бежать! К своим! А где они-то?
Фронт далеко. Отец ушел.
В «племянниках» он шито-крыто
Еще пять месяцев провел.

Штрафбат

К своим пробился он нескоро.
И все ж случилось, наконец!
На речке Северский Донец
Его таскают к прокурору.
СМЕРШ выясняет:
– Где ты, «брат»,
Попался в плен? Где документы?
Кончалось все одним: штрафбат!
И никакие аргументы
Здесь от штрафбата не спасут!
Ты трус, изгой, ты... ты... предатель,
Теперь всего лишь соискатель

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Спасенья горькой жизни. Врут
Газетчики и журналисты,
Что будто-бы все коммунисты
Лишь для того шли на войну,
Чтоб вшей кормить в чужом плену.
А как ж Карбышев? А Снегов?!
А Яков Сталин?! Петр Кушнер?!
Не все прошли кошмар побегов,
Как Полетаев, например.
Лишили воинского званья,
Изгнали из ВКП(б).
Чего уж в органах дознанья
Не испытал он на себе?!
Направили в штрафбат... учиться
(Хоть сам уже учил солдат),
На нарах, как в тюрьме, томиться:
Штрафбат ведь – он и есть штрафбат!
Одели в грязные обноски,
Морили муштрой на плацу.

В строю юнцы, считай, подростки,
Под тридцать было лишь отцу!
Поэтому его папашей
Во взводе звали пацаны...
А скоро ли конец войны?
А будет ли победа нашей?
А живы ли родные? Где
Находятся жена и дети?
Искали все всегда, везде
Ответы на вопросы эти.
Ах, где ты, почта полевая?
Полгода с фронта нет вестей!
Но мы писали, твердо зная:
Отыщется наш Тимофей!
Мы треуголки посылали,
На них я звезды рисовал.
Где он и что с ним, мы не знали.
Что с нами, он, возможно, знал.
И, наконец, в начале мая

Его письмо до нас дошло.
Слез радости не вытирая,
Мы оббежали все село.
Соседи радовались тоже.
А дед сказал:
– Вот завели!
А к Марфе вовсе лезть негоже –
Ей похоронку принесли.
Отец писал, что письма наши
Его от пули берегут,
Что в медсанбате вдоволь каши
С мясной тушенкою дают,
Что скоро выпишут – он ранен! –
Что скоро, видно, снова в бой,
И он покажет, кто такой
Наш слобожанский христианин.
И было все! Ему, солдату,
Лежать в снегу, в воде, в земле
Пришлось в Барвенковском котле.

Как и положено штрафбату,
Приказано занять плацдарм.
Рассчитывал ли командарм,
Что зеки немчуру сомнут
И тот плацдарм таки займут?!

Тут наши с немцами сцепились
И врукопашную пошли.
Вдруг небеса с землею слились
И залпы молний зацвели!

Артподготовка запоздала
И, как нарочно, в поддавки
Все больше наших накрывала.
Потери были велики.

Когда ушные перепонки,
Казалось, трескались, как гром,
Отец упал на дно воронки,
Еще дышавшей смертогнем.

Вдруг видит, что, прижавшись рядом,
Дрожа от страха, фриц сидит,

Отца съедая диким взглядом,
Приставив перст к губам, молчит.
Отец вскочил, но все напрасно.
– *Zurück! Caput!* – фриц на отца.
– Ты прав, – сказал отец. – Опасно!
Так и сидели до конца.
Артподготовка завершилась.
Слышны лишь крики, ругань, стон...
И смерть, казалось, отступилась,
Хотя неслась со всех сторон.
Штрафбата будто не бывало!
Осталась дюжина бойцов,
Которых СМЕРШ поотправляло
На пополнение полков.

От Харькова до Пруссии

И вновь Донец, опять под танки,
Но Харьков взяли, наконец.
Здесь вроде не нужны землянки,

Но всюду достает свинец.
Отец был ранен. В медсанбате
Лечился он всего дней пять.
Пришлось бежать в одном халате,
Чтоб немцам снова Харьков сдать.
Опять Донец и вновь надолго.
Полгода снова фронт стоял.
Донец, конечно же, не Волга,
Но как он долго фронт держал!
Лишь после Курска в сорок третьем
Отец на бой свой взвод водил.
Не раз, не два о партбилете
С комбатом дело заводил –
Восстановить в КП просил.
Комбат к комдиву обращался,
Тот с командиром совещался,
Но был всегда один ответ:
– Сейчас не время! Но не «нет».
Вот завершим «Багратиона»

И Белоруссию возьмем,
И гитлеровского дракона
В его границах же запрем.
Во фронтовом политотделе
Подумают об этом деле...
Шли дни и месяцы сражений
Среди болот, среди снегов.
Сил ждать желаемых решений
Не доставало у него.
А в Пруссии одно сраженье
Последним стало для отца:
Под Кенигсбергом от раненья
Он вдоволь получил свинца.
Как командир пехотный ротный,
Он прусский хутор с боем брал,
Где очередью пулеметной,
Сраженный пулею, упал,
Не двигался, едва дышал.
Одна из пуль, играя в прятки,

Прошила руку, в грудь вошла,
Дырищу в легком прорвала,
Разбила ребра в беспорядке,
Наружу, выбив пол-лопатки,
Навылет вышла из спины...
К отцу пришел конец войны...

Возвращение

Он выжил. Был отправлен в тыл
В тяжелом шоке и без сил
Немедленно, с большим почетом
Транссанитарным самолетом
В бинтах, и в струпьях, и в чешуйках
В военный госпиталь в Валуйках.
Борьба за жизнь шла тяжело.
Почти пять месяцев прошло.
Отца врачи комиссовали,
Тепло на поезд провожали:
– Живи, трудись! Все впереди!

С дренажной трубкою в груди
Домой отец пришел в июле.
И снова впились, словно пули,
Нужды, болезни и заботы
О поисках жилья, работы.
В райисполкоме принимали,
Содействовали, обещали.
– Конечно, воин-фронтовик,
И инвалид, – вздыхали в РИК.
Помочь ему все были рады.
Но впечатляли не награды,
А жажда командира роты
Какой угодно, но работы.
В райкоме же насторожились:
«Он был в плену, потом в штрафбате!
Утратил партбилет». О штате
Там думать даже не решились.
Отец внезапно «психанул»,
Дренажной трубкой кашлянул,

Не сожалея и не каясь
Ушел, с персеком не прощаясь –
Знать, не достоин без бумажки
Работать в раймноготиражке,
Где уж работал до войны!
И, не признав своей вины,
Он бюрократии не сдался:
Что ж, в райгазате места нет,
Но разве нет других газет?!
Он в Подсереднее подался,
Там до войны своя была
Многотиражная газета.
Но плохи у отца дела –
Газеты той теперь уж нету.
Зато ему там предложили
Работу, дескать, по мундиру,
Оклад хороший положили
И о двух комнатах квартиру.
Отец бухгалтерской работы

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Досель не делал никогда.
И нарукавники, и счета
Он принимал не без труда.
Но принял. До седьмого пота
Он «дебет-кредит» изучал.
Так увлекла его работа,
Что он другой и не желал...
Мы поселились на Низу,
Рубали на дрова лозу.
Там ели стройные росли,
Там ручейки журча текли
И ленточки дорог вели
В лугах к помещицъему дому.
Здесь мы зажили по-другому...

08.01.2018 г.

Ели
(лето 1946 г.)

Помещичья усадьба разметалась
Среди лесистых балок и болот.
От роскоши в ней мало что осталось –
Здесь бедный люд теперича живет.
И мы живем. В кирпичном барском доме
С железной крышей, множеством дверей,
Дверей с крылечками, как наше. Кроме
Живет еще десятка два семей.
Живут покомнатно, не поквартирно,
Как все почти тогда, после войны.
Живут без ссор, соседствуются мирно,
Лишь изредка дерутся пацаны.
У дома роща елей величавых
С смолистой хвоей, золотой корой.
Мы знали точно: с их вершин кудрявых
Слезает наземь ночью домовой.
Нам было очень-очень интересно

Самим увидеть, как он там живет.
Карабкались на ель, но, если честно,
Страх вниз сорваться до сих пор берет.
От ссадин ныли голени, запястья,
Но по стволу до кроны добрались.
И большего не нужно было счастья,
Чем счастье к небу подниматься ввысь!
А выше – просто! Ветки ярусами
На елях круглым веером растут.
Легко и просто руки, ноги сами,
Как обезьян, на самый верх несут.
Красивый вид с вершины открывался!
Все Подсереднее, пруды, леса.
Наш дом коробкой спичечной казался,
А человек – не больше, чем оса.
Друг друга не видать, пока влезает,
А на вершинах каждый на виду!
Облазали все ели, все их знаем,
И главное, и мелочь-ерунду.

И никакого нету домового –
Придумали, чтобы детей пугать.
И вскоре мы «додули» до такого,
О чем и нынче страшно вспоминать.
Решили, слышь ты, по ветвям лапатым
От ели к ели белкой перелезть!
Такое в пору белочкам хвостатым,
Но чтоб мальчишкам?!

Дастся ли, Бог весть!..

Толян стал первым. Ловкий, как мартышка,
Он перебрался со ствола на ствол.
За ним был Ленька, Пашка, Сенька, Мишка.
За ними я. Смелей, вперед, пошел!
Легко сказать! Как ветки сильно гнутся!
Скользят в руках, уходят из-под ног.
В глазах рябит, поджилки все трясутся...
Назад нельзя! Я справлюсь, видит Бог!
Хотя, когда почти уже у цели
Я, как и все, на ветках вдруг провис,

Голод
(1946 – 1947)

В тиши подолгу засыпая,
Хочу забыться в час ночной,
Но память, будто кладовая,
Опять открылась предо мной.
Ложатся краски чувств в картины –
Картины детства моего.
Строй хат в садочках вдоль долины –
Нет ничего родней его!
Вот отчий дом в цвету вишневом,
Церквушка на краю сельца
И мать моя в платке праховом,
И куст сирени у крыльца.
Речушка, берега в осоке,
На водопое череда,
И пруд заросший, неглубокий,
И вербы в зеркале пруда.
Господский дом, где нынче школа,

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

В кольце серебристых тополей...
И далее такие ж села
В распадках балок и полей.
Везде видны следы разрухи
Опустошительной войны.
Не сладок хлебец из макухи,
Как горек чай из бузины!
Войну окончив, светлоокий
Вернулся люд к земле родной.
А тут опять удар жестокий –
Голодный год сорок шестой.
И вновь впряглись трудяги-вдовы
Спасать от голода детей,
Хоть как-то содержать корову,
Лечить израненных мужей.
На огород в иссохшем поле
Надежды вовсе никакой:
Собрали осенью не боле,
Чем в землю бросили весной.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Хлеба озимые пропали,
А ярые и не взошли.
Сухие трещины зияли
На теле матушки-земли.
Страшной войны, сильней разрухи
Деревню голод разорял.
Отец за черный круг макухи
Весь заработок отдавал.
Одежду в школе не снимали,
Едва утаивая дрожь.
Глазастые, мы замечали
На парте мышь, на теле вошь.
Класс поредел. Одни с сумою
Шли попрошайничать. Но где
И кто подаст? Труха с водою
Была едой тогда везде.
Детишки пухли, так что в школу
Ходить больные не могли.
Деревья ветром гнулись долу,

Метели выли и мели.
Зазябшие стояли хаты
И слушали вновь вдовий вой,
Ну, а вчерашние солдаты
Вели опять смертельный бой,
Бой с голодом. К весне метели
Утихли, солнышко пришло,
Запели звонкие капли,
На сердце малость отлегло.
Корова отелилась вскоре,
Молозиво и молоко
Уняли голод, сникло горе
И затаилось глубоко.
Телёнка содержали в хате.
Нас черноухий забавлял –
Привязанный к моей кровати,
По комнате её таскал.
Он быстро рос, сосал всё больше,
Нас оставлял без молока

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

И, голодать не в силах больше,
Зарезав, съели мы телка.
Я плакал и, забыть не в силах
Его застывших синих глаз,
Пил молоко его, а в жилах
Кровь застывала всякий раз.
В апреле появились почки,
Побеги, соки, крапива...
Родился я, видать, в сорочке,
Хотя кружилась голова.
Теперь уже сама природа
Не даст от голода пропасть.
И, чем теплей была погода,
Добрее становилась власть.
О ней я помню как-то сухо –
Я сам себе, она сама...
Все – в напряжении ума
И человеческого духа!

04.10.2008 г.

Бильярдные шары
(июль 1947 г.)

На опушке леса в Подсереднем
Сильно поврежденный танк стоял.
Было видно, что в бою последнем
Под калибр внушительный попал.
Траки разворочены, колеса
Были полностью оголены...
Что ж, бронированного колосса
Красный летчик вывел из войны.
Экипаж на корм волкам достался,
В чреве танка нет следов борьбы,
А боекомплект снарядов сдался
Нам вполне пригодным для стрельбы.
Нас влекли в подшипниках колесных
Крупные блестящие шары –
Пригодятся в клубе (без вопросов)
Для бильярдной, кажется, игры.
Как нам из подшипников извлечь их?

Очень долго думать не пришлось:
Натаскали дров горой по плечи,
Обложили танковую ось.
Вынесли из танка все снаряды
И засунули их под дрова.
С Толиком мы были очень рады:
Все произошло как дважды два!
На растопку мох сухой добыли,
С ним от спички вспыхнула трава.
Наблюдали и не отходили,
Аж пока не занялись дрова.
Я и Толик спрятались в овраге,
Стали ждать, когда ж оно рванет!
Невтерпеж, но не было отваги
Посмотреть, ведь дым давно идет.
Но снаряды так и не взорвались!..
Мы, расстроившись, ушли домой,
А шары бильярдные остались
В танке... на дороге Залесной.

Танк еще лет семь стоял на месте,
Но уж без снарядов – кто-то сдал,
Выручив рублей, быть может, двести,
За металлолом – цветной металл...

08.01.2020 г.

Кирпич
(1947 – 1948)

У пруда под глинистой горою
Был завод кирпичный «К и Бек»,
И теперь, разрушенный войною,
Доживал он свой недолгий век.
Люди строились, но где им взять бы
Лес, скобянку, гвозди, кирпичи?
Ни купить, ни «стырить»! Но усадьбы
На дрожжах росли, как калачи.
Сухостой, поваленный бомбежкой,
Вниз тащили упряжью коров.
Поступались пищей и одежкой,

Чтобы был над головою кров!
А кирпич? Семей шли на кирпичный,
Чтоб киркою стены разбирать,
Бой долой, а так себе, приличный
На тележку и в свой двор таскать.
Мать да я таскали спозаранку,
Надрываясь, эти кирпичи
На трубу, двуспальную лежанку,
На камин с ходами от печи.
Двери, окна – все это досталось
Тем, кто здесь утюжил дотемна,
И почти нетронутой осталась
Торцевая под фронтоном стена.
Высоченная стена зияла
Арочным проемом для ворот.
Арку непогода разрушала –
Крепок ли ее замочный свод?
Я забрался, чтоб ее разрушить.
Высоко! Кирку держу в руках.

Хорошо бы полстены обрушить!
Но какую ж половину в прах?
Ту, напротив? Или же мою-то?
Размахнулся – дрожь в ногах прошла.
Стал осматриваться – очень круто.
Ну и пусть! Была иль не была!
Грохот грома не был бы так громок,
Как раскаты грохнувшей стены,
Если бы не долевикий потомок,
То есть я – теперь «дитя войны»!
Облутуча известковой пыли
Все заволокла страшней войны.
Бабы где-то враз заголосили.
Уж-то под обломками стены?
Там же мать! Нет, голоса в сторонке!
Слава Богу, думаю. А сам,
Подсобрав последние силенки,
Стал прислушиваться к голосам.
Мать звала меня и причитала,

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Ничего в пылище не видать.

– Мама, мама! Жив я! Услыхала?

– Жив, сыночек! – отвечает мать.

Пыль садилась, сквозь ее прогалин

Вижу мать с соседкой, в суете

Ищут голос мой среди развалин,

Ну, а я... сижу на высоте.

Арки нет! И полстены упало,

Та, напротив. А моя стоит!

Пыль садилась, солнце просияло,

Мать мне что-то там внизу кричит.

К счастью, мимо кровельщик с работы

Шел домой. Увидел – прибежал,

Лестницу приставил, как по нотам

Влез и вмиг меня с фронтона снял.

Пыль глаза слезила, выедала,

Дрожь в ногах, в руках уже прошла.

Мать меня при всех зацеловала

И при всех кирпич тот прокляла.

Было мне в ту пору лет двенадцать
И испуг тот я легко забыл.
Так что я еще раз десять-двадцать
На стене – но не при маме! – был.

23.07.2008 г.

Белоголовая девчонка

Вдруг в памяти явилось детство...
Не детский сад, футбольный мяч –
Достались ему в наследство
Разруха, голод, детский плач.
Я слышу, будто громко, звонко
Белоголовая девчонка
Кричит из детства моего...
А ведь и не было его.
Мне, белобрысому мальчишке,
Пять долгих лет из-за войны
Не покупали ни штаны,

Ни сладости, тем паче книжки.
Я ясно вижу деда с бабой,
И мать, и теток всех моих...
Какою ж сильною и слабой
Была опора жизни их!
Ни денег, ни одежды в доме,
Один кормилец – огород.
Мы спали в покот на соломе,
А пол-то холоден, как лед!
Стихов о детстве босоногом
В мозгу аж целый сонм кишит.
Писать же о житье убогом
Мне память, совесть не велит.

08.11.1962 г.

Ваня Коробов

Его я знаю с детства,
Со школы с ним дружил.

На скудненькие средства
Он с бабушкой жил.
Отец погиб на море
В сорок втором году,
Беда приносит горе
И новую беду.
Мать снова вышла замуж,
От сына своего
Уехала, а там уж
Забыла про него.
Мальчишка потрясенный
Обиду затаил
И, лаской обделенный,
В душе ее носил.
Рос крепким и умелым,
Высок и ладно сшит,
Он сильным был и смелым,
Пугай – не побежит.
Он занимался спортом,

Шел быстро, далеко.
Он мог пусть даже с чертом
Управиться легко.
Но что-то с парнем случилось,
И не узнать его.
Знать, в нем уже сломалось
То, что важней всего.
Перчатки и кроссовки
Он вскоре разлюбил,
В спортзал на тренировки
Почти что не ходил.
Стал дерзким, нелюдимым,
Он растерял друзей.
Злой бес в душе ранимой
Шипел все злей и злей.
Учился в школе скверно,
Уроки пропускал,
Учителей, наверно,
В душе он презирал.

Почти по всем предметам
Не успевал, но вот
Не горевал об этом,
И никаких забот.
Его всегда щадили –
Долой скорей бы с глаз! –
И с тем переводили
Его из класса в класс.
Он с юных лет незрелых
Утех всегда искал,
В успехах скороспелых
Здоровье надрывал.
Уверенной походкой
Давно уж не ходил,
На дне бутылки с водкой
Достоинство топил.
Он с жуликом и вором
Христосоваться стал,
Бывало, под забором

Он, как собака, спал.
Дешевой сигареты
Из рта не вынимал,
Ревел сильней ракеты –
Так кашель душу рвал.
Ему всего лишь сорок,
На вид – под шестьдесят.
Вот отчего так скоро
Пришел его закат.
Спина дугой согнулась,
Запала ямой грудь,
На шее вены вздулись,
В глазах огонь и муть.
Меж домом и аптекой
Он, хил и слаб, как слизень,
Законченным калекой
Оканчивает жизнь.
Война людей калечит,
Иной без рук, без ног.

Но кто *таких* излечит?
Шаман? Кудесник? Бог?
Душевные увечья
Неизлечимы, брат.
Здесь сила человечья
Слабее во сто крат...

03.09.1976 г.

Дедушкина дочь

На войне отца убили,
Мать от горя умерла.
Дед и баба жили-были,
Сирота у них жила.
Дедушка был очень строгий,
Только он мог разрешить,
Есть ли ей свой харч убогий
Или с бабкой поделить.
Все ее в селе любили,
Все хотели ей помочь.

Меж собою говорили:

– Это дедушкина дочь!

Прямо рядом с хатой нашей

Жили эти старики,

И с их внучкою Наташей

Мы дружили, как телки.

Мама нас зовет к обеду,

А Наташа ей в ответ:

– Я пойду спрошу у деда,

Есть хочу я или нет.

Жили все тогда убого –

Все разрушила война.

Средь друзей мальчишек много,

Девочка она одна.

Мне она родней сестрички,

Удивлялась даже мать,

Когда я в ее косички

Стал ромашки заплетать.

Кончилась война! Настало

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Время жить своим трудом.

Девочка невестой стала,

Вышла замуж, а потом

Выехала на Урал –

Там и след ее пропал...

По ночам, когда не спится,

Иногда она мне снится.

Слышу я, как громко, звонко

Босоногая девчонка

Мне кричит... Слышней всего

Крик из детства моего!..

04.03.2008 г.

Воспоминания о Подсереднем (1945 – 1951)

*Моему учителю Григорию Омеляновичу Лисовому,
директору Подсереднянской школы,
посвящается*

Околицы

По предсказанию гадалок
Подсреднее мне часто снится.
Я вдоль его холмов и балок
Во сне кружу, летаю птицей.
Журчит ручей по дну долины,
Сверкает гладь пруда и плеса,
За речкой на лугу в низине
Ждет разнотравье сенокоса.
С орбиты птичьего полета
Видны лозняк, камыш, болота,
Зияют пропасти оврагов –
Творения дождей и магов.
У верб местечки для рыбалок,
Меж ними глинистые пляжи,

Поверх воды алмазы скалок,
А глубже... ил чернее сажи.
По спинам склонов пух подлеска,
Дубы косматые и груши,
А дробь сорочинского треска
Стучится звонко-терпко в уши.

Господский дом

Господский дом у кромки луга,
Строй елей в рясе рыжих шишек,
А возле несколько домишек,
В которых мешкала прислуга.
Здесь отпевали, пели свадьбы,
Знавали и вражду, и дружбу,
И из помещичьей усадьбы
Шли юнкера к царю на службу.
Вот этот дом с колонным фризом
И все, что к дому прилегало,
В Подсреднем называли «Низом».

Отсюда и берут начало
Слобод соломенные крыши,
Которые бегут, как мыши,
Наверх длиннющими рядами,
Нырря в балки меж холмами
С колодезными журавлями.
Слободки, поднимаясь в гору
И слившись, образуют «Гору»,
То бишь поселок на высотке
С полкилометра в околотке –
Конюшня, ток, амбар-комора,
Гараж, совхозная контора,
Под общей крышей клуб и школа,
А рядом с запахом автола
Бензозаправка, мастерские,
Дома жилые и другие,
Где, поднятый как можно выше,
Слух репродуктор режет с крыши.

Школа

Снега гоняют ветры в поле,
Нетопленные классы в школе,
А в них голодные детишки
Замерзшим пальцем тычут в книжки.
И все же мальчики, девчонки
Не то, что нынешние, звонки,
Грызут, как мыши, с голодухи
Осколки каменной макухи.
Мальцы, не занятые в хоре
И не подвергнутые хвори,
Дрова кромсают в коридоре.
Буржуйки классы задымляют.
Чернильницы же замерзают,
В фуфайках с ватными штанами,
Сморкаясь синими носами,
Мы безотказно, без вопросов,
Как это делал Ломоносов,
И не испытывая муки,

Грызём себе гранит науки.
Нет ни единой в школе парты,
Географические карты
Испачканы и сплошь измяты,
Отсутствуют в спортзале маты,
И незаполненные штаты.
На химии без реактивов,
Без колб, мензурок и штативов,
На физике – все та ж картина –
Электрофорная машина.
Поэтому не для халтуры
Мы больше брали все с натуры:
Ботанику прошли лесами,
Историю с фронтовиками,
Немецкий среди фрицев пленных,
А физику вот с мастерскими,
И под комбайном, и на ВИМе,
На кинофильмах лет военных,
В соревнованиях, походах

И на домашних огородах,
И на дорожках стадиона
Черпали силы для разгона
И крепили, закалялись в спорте.
Я знаю: прав я! И не спорьте!

Учителя

Мои учителя Кривенко,
Лобанова и Кухаренко,
Шмарковская, Гудзь и Шулика
Под управленьем Лисового
Учили нас довольно строго,
Но без предвзятости и крика.
А Лисовой! – он и директор,
Он и от Бога архитектор
Всего учебного процесса,
Учеников своих прогресса.
Он – педагог, он и психолог,
Он тонкий, чуткий социолог!

Собрал нас как-то, пионеров,
Привел пяток-другой примеров
Семей, где дети голодают,
Занятия не посещают.
– Помочь им надобно, ребята, –
Сказал он твердо, суховато, –
Заказана уже подвода,
Давайте-ка, пока погода,
Пройдем совхозными полями.
Надеюсь, с полными мешками
Мы в школу засветло вернемся,
Что делать дальше, разберемся.
Он не ошибся: там картошку,
Там кабачков, свеклы немножко,
Капустяные кочерыжки,
В кедровнике с орехом шишки,
В ботве затерянную тыкву,
Как драгоценную «реликву» –
Он не ошибся – мы собрали

Побольше, чем предполагали.
– Мне надобно зайти к начальству, –
Сказал он. – Вы тут без бахвальства
В моем решите кабинете,
Кому везти продукты эти.
Ушел. А мы не понимали,
Что нас на зрелость проверяли
(Начальство – выдумка, уловка!)
Ответил самый младший, Вовка:
– Продукты развезти по хатам,
Где пухнут с голоду ребята.
Глаза директора сияли,
Он был доволен. Мы-то знали,
Что он на фронте был комбатом
И мудрым «батькою» солдатам.

Дед Мазай

Апрель. Внезапно половодье
Потоком хлынуло с угодий,

Позатопило всю долину.
Директор школы в ту годину
На бедра, плечи и на спину
Собрал девчоночье отродье,
Шагал со льдины и на льдину
И вынес на сухую глину.
Он возвратился за другими
И этих перенес сухими.
Такие-то вот «натюрморты»...
А те охотничьи ботфорты
Мы много раз еще видали.
Они всегда нас восхищали...

16.09.2008 г.

Прощание с детством
(30 августа 1951 г.)

Меня, мальчика безусого,
Худого, светло-русого,
В отцовском старом кителе,
Рядили в путь родители.
Мать горько, тихо плакала,
Лицо мне все закапала,
Отец из чувства отчего
Желал всего хорошего.
Я, тронутый заботами,
Простился за воротами,
Где лошадёнка пегая
Ждала меня с телегою.
В фанерном чемоданчике
Нож, ложечка в стаканчике,
Лапшичка самодельная,
Простыночка постельная,

И бобочка с заплатками,
И папочка с тетрадками,
Деньжата с документами,
Завязанные лентами...
Как туго на прощание
Сдавило грудь дыхание!
Я скрытно, по-ребячьему
Сглотнул слезу горячую.
Больней всего за малого
Братишку годовалого,
Который спал простуженный.
Простил меня, небуженный.
Сказала мать:
– Расплатится –
Всем болью обозначится!
Потом про все дознается.
Езжай уж, сердце мается!
Запрыгнул на телегу я:
– Но! – закричал на пегую.

Ох, как же неохотно я
Уехал в Приколотное
Навстречу неизвестности!
Любимые окрестности
Поплыли, стали пьяными,
И долго за туманами
Отец и мать всё маяли,
Пока и не растаяли...
Прощайте, годы детские!
На плечи малолетские
Легли заботы новые,
Как гири стопудовые...

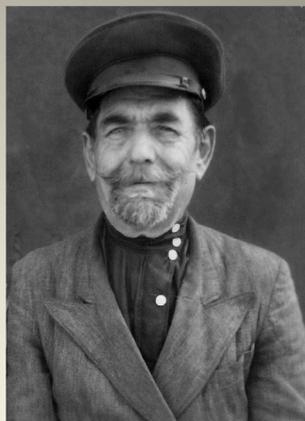
15.02.2009 г.

Примечание автора:

Немецкая лексика, использованная в некоторых рассказах, заимствована мной у деда Евстафия Васильевича Чухиля, который, находясь в период первой мировой войны в германском плену, усвоил и сохранил в собственном произношении сотни две немецких слов.

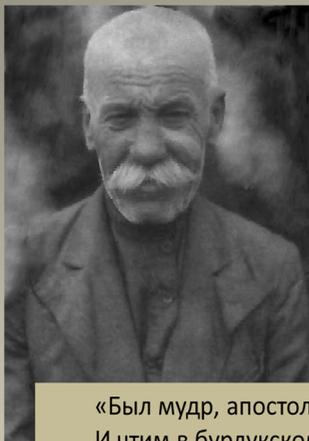
*«В маленькій хаті без крильця
Мать повила мене, мальця...»
Хата Е.В. Чухиля, в которой В.Доля
родился и прожил первые девять лет
жизни...*

*«Он шутник, а не проstack,
И понятно вящему,
Что мой дед не абы как
Балагур и весельчак,
А по-настоящему...»
Евстафий Васильевич Чухиль
(1885-1956),
дед В.Доли по матери*

*«Я у мамы на руках,
Мальчик восьмимесячный...»
Июнь 1937 г.*

«Был мудр, апостольски умен
И чтим в бурлуком роде –
Уверен, что таких, как он
Земля нечасто родит...»
*Степан Григорьевич Доля (1879-1966),
дед В.Доли по отцу*

«Близнецы – мои дядья
Тринадцатилетние...»
*Николай Степанович и Иван Степанович
Доли. Июнь 1937 г.*

«День двадцать второго июня
Для взрослых людей был как шок...»
*В.Доля с родителями Тимофеем Степановичем и
Ксенией Евстафиевной. Фото 22 июня 1941 г.*

*«Отец был командиром роты
Ее величества пехоты...»*

*Тимофей Степанович Доля.
Фото 1950-х гг.*

*«Вот отчий дом в цвету вишневом,
Родней его нет ничего...»
Дом в с. Подсереднее, в котором
провел школьные годы В.Доля*

*Два Анатолия.
Закадычные друзья детства
В.Доли будущие председатель
Великобурлукского районного
совета профсоюзов Анатолий
Филиппович Мулик (слева) и
учитель Подсереднянской
неполной средней школы
Анатолий Тимофеевич Василенко.
Фото 1954 г.*

*«Меня, мальчика безусого,
Худого, светло-русого,
В отцовском старом кителе,
Рядили в путь родители...»
Перед отъездом на учебу в Харьков*

«Во дворе мои отец и мать
День вершат домашними делами...»
Фото 60-х гг.

«Я был, как все, обычным сельским парнем,
Но, как никто, в поэзию влюблен...»
Фото 1953 г.

На крыльце родительского дома в
с.Андреевка с бабушкой Анной
Прокоповной Чухиль и молодой женой
Еленой Владимировной Труфановой.
Фото 1963 г.

ВЕЛИКИЙ БУРЛУК – МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Бурлук

Бурлуков на Харьковщине много
Вдоль реки, вокруг нее, вразброд.
Лишь к Великому ведет дорога,
Огибая прочие в обход.
И река имеет то же имя.
От каких начал оно идет?
Воду речки, как коровье вымя,
Всяк Бурлук всю жизнь свою сосет.
Так откуда же такое слово?
И когда, и с кем сюда пришло –
Давнее, но для туристов ново –
И увековечило село?
Речку нашу Бурлуком назвали
Крымские татары. Хищный хан

Орды их привел, и те напали
Варварски на наших, на славян.
Весь народ, голубоглаз и светел,
Гордо встал и их мечами встретил –
Мусульман азийской стороны,
Ненасытных демонов войны.
Днище Бурлука – сплошь ил бездонный,
В нем и гибли полчища татар.
Пеший воин, большей частью конный
В Бурлуке не дождались фанфар.
В нем они тонули, умирали
И с последним вздохом бормотали:
«Грязь-бурлук страшней, чем бусурман!»
Отступил бесславно крымский хан.
Так татары гиблое местечко,
Где они погибель обрели,
Нам в отместку – грязевую речку! –
Грязью по-татарски нарекли.
Позже в эти степи заходили

Недруги из кочевых племен:
Половцев и печенегов били
Слобожане наши тех времен.
Наш Донец-Захаржевский, полковник,
Был из славных казаков донских,
Многих битв участник и достойник
Орден и почестей иных.
В Бурлуке он жить обосновался,
С ним семья, солдаты, мужики.
Вскоре сад в поместье разметался
В низине излучины реки.
Я Донец-Захаржевских могилы
Не могу назвать наперечет,
Но могу найти у панской виллы
Сажанный вельможей терн и глос,
Сад сливовый, красных яблонь райских,
Заклученный в каменный забор,
У горы высокой Осиянской,
Наивысшей из соседних гор.

У горы все той же Осиянской,
Средь утесов из гончарных глин
Был завод кирпичный, тоже панский,
С видом на болота из трясин.
Кордегардии в конце аллеи
Встали, мела белого белее,
И они видны издалека
От любых окраин Бурлука.
Дочка барина Елизавета
Вышла замуж, да не за корнета,
А за офицера-храбреца
К удовлетворению отца –
Князь Задонский в гости зачастил
И девице голову вскружил.
Князь – поборник долга, слова, чести –
Стал наследником семьи Донцов,
Разрастил родовое поместье
По примеру княжеских дворов.
Род Донцов, Задонских здесь веками

Бурлучанам пользами служил,
К славе Бурлука умом, трудами
Много сил и знаний приложил.
Сад и парк при них благоухали,
Речку перекрыли три моста,
А вокруг крестьяне заселяли
Балки и гористые места.
Слобода Бурлукская большая
Разрослась по топким берегам,
Над обрывом у самого края
Встал Преображенский божий храм.
С колокольни звуки звонов плыли
Далеко по долам и в полях,
Сыновья господские служили
Государю в харьковских полках.
Вырос дом с колоннами дворцовый
И фронтоном мрамора белей.
Князь Задонский на земле Донцовых
Стал столпом для Харьковщины всей.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Он построил здесь больницу, школу,
Укреплял обрывы берегов,
А на стрелке рек, как дань футболу,
Создал стадион для мужиков.
Вскоре здесь железная дорога
Вглубь России в Купянск пролегла.
После смуты род их, слава Богу,
В Харькове вершил свои дела.
С Театральной площади здесь видно
Переулок имени его,
Памятника же, как ни обидно,
Не поставили ни одного.
Времена советские настали,
Новая война в Бурлук пришла,
Каменные здания взрывали,
Немцам крепостей не оставляли,
Чтоб не усложнять себе дела.
Храм Преображенский не сдавался,
Никакой заряд его не брал –

Он от взрыва чуть приподнимался
И на место целым оседал.
Все же рухнул! Небеса раскрылись
И молитвы к Богу вознеслись!
Люди же молились и крестились,
Слезы по щекам худым текли.
Начались налеты и бомбежки,
Двигались обозы на восток.
Воя бомб боялись даже кошки,
Лай собак стал горше, чем упрек.
Изо всех дворов ушли в солдаты
Мужики – отцы и сыновья.
Как и все, ушли из нашей хаты
И отец, и все мои дядья.
Шли бои, и там, под Сталинградом,
Отгремел один из главных бой.
Вскоре и у нас, и где-то рядом
Грянул пушек, самолетов вой.
В бурном феврале того же года

Танки по снегам в Бурлук вошли –
Как цветы, как ясная погода,
Звезды на тех танках расцвели.
Посмотрите на Мемориале,
Сколько славных в Бурлуке имен!
На могилах старики рыдали,
И их плач, как колокольный звон,
Ветры ввысь, как память, поднимали
И несли вдаль края и времен.

23.11.2019 г.

Переможці

Відгриміла війна, і він,
Переможець – солдат і син –
Повернувся в село батьків,
Де зростав він і все любив.
І злітає з зашерхлих губ
Поцілунків палких вогонь,
Прикриває хвилястий чуб
Білий сніг посивілих скронь.
Здрастуй, мамо! Він довго йшов,
Покінчивши останній бій,
Йшов, щоб пити твою любов,
Чути голос твій дорогий.
Все село зустріча синів
Як велика одна сім'я
Під гармошку, дівочий спів,
Шум хрущів і пісні солов'я.
Перемога не всім далась,
Бо за неї в полях чужих

Кров бійців зі свинцем злилась,
Відродила життя за них.
Похоронки кладіть до скринь,
Ваші сльози зріднять село,
Вас зігріє людське тепло,
Сонця полум'я, неба синь.

31.05.2010 р.

Берёзка

Стройнее девушки-подростка,
Нежна и девственно бела,
Перед окном моим берёзка
В саду запущенном росла.
Мы с ней ровесники, похоже,
А может быть, она моложе.
Я с детства помню в знойный день
Её танцующую тень.
Теперь же в мокрой рыжей шали
Она, поникшая, стоит

И горьким видом говорит,
Что дни печальные настали,
Что скоро ветра розга-свист
Сорвет с неё последний лист.
На свет в окне то встрепенётся,
То вдруг потянется ко мне,
Ветвями голыми крадётся
По мокрым ставням и стене.
То стон живой души печальной,
То звуки песни погребальной
Как будто издаёт она.
А ночь, как смоль, черным-черна.
Я плащ на плечи надеваю,
Иду во мрак, и с ней вдвоём
Стоим подолгу под дождём.
Казнюсь и душу надрываю,
Мечтам и грёзам предаюсь,
Разбитый, утром спать ложусь.
В кустах сирени астры плачут,

Шиповник созревает в прах.
Гогочут гуси, утки кричат
На тучных заливных лугах.
Сижу ненастными ночами
И раздражаюсь лишь стихами,
А в чёрном зеркале окна
Она печалится одна.
Я вновь в тоске горячей таю,
Марать листки перестаю,
Смотрю на сверстницу свою
И о прекрасных днях мечтаю.

08.11.1955 г., с. Андреевка

Мой дед Степан Григорьевич

Степан Григорьевич – мой дед.
Поведаю о том, как
Он трудно прожил много лет
В пример своим потомкам.

Был мудр, апостольски умен
И чтим в бурлукском роде –
Уверен, что таких, как он,
Земля нечасто родит.
Высокий и широк в кости,
Был неуклюж, но крепок.
Всяк почитал его блюсти
Сниманьем шапок-кепок.
Имел плешину и усы
Точь-в-точь, как у Шевченко,
Как редко кто носил часы
И прозвище Доленко.
Он набожен, трудолюбив,
Учтив ко всем и честен,
Немногословен, молчалив,
Ремеслами известен.
Был грамотен как для села,
Пять зим в ученье маял –
Ведь школа в Бурлуке была

Церковно-приходская!
Всегда с самим собой в борьбе
И выжил, слава Богу,
Поставил памятник себе –
Железную дорогу.
Своей работой дорожил,
Имел и хлеб, и сало,
Десятником артельным был,
А это уж немало!
Дорога в Купянск пролегла
Из Белгорода прямо,
Но наш Бурлук не обошла –
Так дед решил упрямо.
Путевку в жизнь ему дало
Строительство дороги.
Нашел другое ремесло
Для пользы и подмоги.
Его у каждого двора
Встречали, как родного,

Желали здоровья, добра
И прочего премного.
А почему? Ответ где-где,
А в Бурлуке отыщем –
С полсотни хат, что в слободе,
Считай, его детища.
Коль что – короткий разговор,
Сошлись на полуслове –
Пила, сверло, отвес, топор
У деда наготове.
Пила визжит, топор стучит,
Дед «хекает» вприсядку,
А сруб уж окнами глядит,
Вполне похож на хатку.
Долбал – дед сильно близорук –
Штрабы в дубах, в березах,
Весь нос его и кисти рук
Всегда были в занозах.
Пять сыновей мой дед взрастил,

И все отвоевали,
И каждый выжил, победил!
Их ордена, медали
Сияли ярко за столом
Всегда на День Победы,
Мои дядья и мы с отцом
Благодарили деда.
Давно окончилась война
Кому-то в Вене, в Брно иль в Праге.
Напоминают ордена
О дерзости и об отваге,
О черном поле битвы.
Мой дед не пил и не курил
И в церковь в аккурат ходил,
За всех справлял молитвы.
Очки он редко надевал –
Берег, чтоб не разбились, –
Лишь если Библию читал,
А мы вокруг крестились.

Ни на минуту не у дел
Не мог он оставаться:
Он даже крадучись умел
Хоть чем-нибудь заняться.
С годами дедушка слабел,
Но и под девяносто
Старик работать, жить хотел...
Ведь это же так просто!..

31.05.2010 г.

Мой дед Евстафий Васильевич

Дед – потомственный казак –
Слыл в селе бездельником.
Балагур и весельчак
Просто был затейником.
Он шутник, а не простак,
И понятно вящему,
Что мой дед не абы как
Балагур и весельчак,

А по-настоящему.
Он при батюшке служил
Сторожем кладбищенским,
Пять красавиц народил,
С бабушкою мирно жил
Заработком нищенским.
Ребятишек обожал,
Сказки плел про ладушку,
Никого не обижал,
А тем паче бабушку.
Выворачивал кожух
И, космат от пят до ух,
Появлялся в скверике,
Девок и парней пугал –
Люд от чудища бежал
В страхе и истерике.
Был искусным резником –
С кабаном, телком, бычком
Ладил без помощников.

Нес он с каждого двора,
Где испуг и обморок,
Теплой крови полведра
И исправный окорок.
Пьяным деда никогда
Сызмальства не видывал,
Номера ж, что хоть куда,
Дедушка выкидывал.
То заставит нас залечь,
Будто пехотинцы мы,
То залезет к нам на печь
Угощать гостинцами.
Всюду вечно детвору
Тешил небылицами,
То в собачью конуру
Залезал, как крот в нору,
То шутил с девицами.
Сдвинет набекрень картуз,
Вскинет френч с погонами,

Ходит по селу, как туз,
Водится с пижонами.
Крутит кверху рыжий ус,
Подстригает бороду,
Демонстрируя свой вкус
Ни к селу, ни к городу.
Дед всегда имел к еде
Пристрасть необычную
И носил он в бороде
Скорлупу яичную.
Выпить мог он молока
Крынку двухлитровую,
А потом сто раз толкать
Гирю двухпудовую.
Вот таким мне дед родной
Часто вспоминается –
Развеселый, озорной,
Вечно улыбается.

30.05.2010 г.

Мои няньки

Я у мамы на руках –
Мальчик восьмимесячный.
Страх застыл в моих глазах,
С гневом перемешанный!
Отчего так гневен я?
В чем мои страдания?
Не скрываю: злость моя
От негодования!
На работе вся родня.
Отпуск? И не снилося!
Так что близнецам меня
Нянчить приходилось.
Близнецы – мои дядья
Тринадцатилетние –
Захотели, чтобы я
Это время летнее
Не мешал им проводить
За межой-оградкою,

А меня от глаз закрыть
Деревянной кадкою.
Так чуть скрасили дядья
Нянек муки-бдения –
Подобрали для меня
Кадку под соления.
Дно устлали кожухом,
Чтобы не ударился, –
Так я ясельным жильем
Славно «отоварился».
Обзавелся я с рання
Местом пребывания,
Оценил, как бдит родня
Пользу воспитания.
Чтоб ребенок не упал
Лбом на клепки-досточки,
Чтобы свой кулак сосал
Вместо детской сосочки.
Ни собака, ни петух

Не обидят мальчика,
С голоду не съест лопух,
Не поранит пальчики.
Чтоб, когда захочет спать,
Лег в меха кожушечьи...
Ну, а няnek не видать
И на выстрел пушечный!..
Так Микола и Иван
Нянчили племянника,
Получая в свой карман
Каждый по два пряника.
И никто их не ругал
Хором или в частности –
Их придумку я признал...
Актом безопасности.

25.05.2020 г.

Утро

Я сегодня встал с зарёю,
Очень рано встал.
Лес умыл меня росой,
Ветер расчесал.
Утро розовой косынкой
Вяжет облака.
Оживает красной синькой
Сонная река.
Молоком туман косматый
Уползает в тень.
У ворот щенок кудлатый
Подпирает пень.
Птиц лесных звенят напевы,
Шмель жужжит у роз.
Выпорхнул петух из хлева
И клюёт навоз.
В поле жаворонки снова
Песен ткут шелка.

Вторит им в хлеву корова,
Облизав телка.

16.06.1981 г.

Знойное лето

Июль пылает. Зной. К зениту
Восходит лето налегке.
Мохнатый шмель, урча сердито,
Копается весь день в цветке.
Промчались стороною грозы,
Но белоногие березы
Любуются собой в пруду
У верб-простушек на виду.
Из солнца сквозь рябины сито
Струятся теплые ручьи.
В траве пожухлой деловито
Снуют трудяги-муравьи.
Петух в соцветии курином
Зарылся в пепел под овином.

Стоит жара! Напрасно кот
Когтями дерево скребет –
На небе даже пополудни,
Как и с утра, ни облачка!
Лишь солнце смотрит свысока
На скучно-тягостные будни.
Течет неспешно день за днем
В селе безвестном и глухом.

06.07.1953 г., с. Андреевка

Хмурая осень

Октябрь. Ненастье. Лес роняет
Багряно-рыжий свой убор.
Уныло вечер догорает
За синей цепью дальних гор.
Внезапно ветра вихрь промчится,
Как обезглавленная птица,
И стихнет снова, растрепав
Опушки сумрачных дубрав.

Холмы, овраги и долины –
Все тонет в дымчатую синь.
Невесело. Куда ни кинь,
Одни унылые картины.
И долго длится скучный день
При виде сонных деревень.
Глухая осень. Серый, хмурый,
К закату тщится день за днем.
Напыщенные ходят куры
С вальяжным черным петухом.
Тоскливо так, как будто кошки
Скребут в душе. В мои окошки
Сквозь сумрак видно, как в грязи
Ползут на станцию возы,
Плащи погонщиков мелькают
Вокруг нагруженных возов,
Как к спинам работяг-волово
Кнуты со свистом прилипают,
Как стайка шустрых воробьев

Играет в прятки в куче дров.

25.10.1953 г., поезд Харьков – Купянск

Гербарий

Уж так устроена природа –

Грядёт осенняя погода!

У перекатистого брода

Средь камышей на поводке

Ковёр полощется в реке.

Да, это осень золотая

Резвится, дождь листвы срываая.

Кружась, она снуёт везде.

Плывут невесть куда в воде

Листики-полтиннички берёзы

И лепесточки алой розы.

Кленовый лист, как пятерня,

Застряв, куражится у пня.

А вот зелёный, как кузнечик,

И длинненький, как огуречик,

Вербовый вертится листок,
Нырря, будто поплавок.
И плещется ковёр-гербарий,
Пока на стыке полушарий
Уныло гаснет хмурый день
И сеет грусть, тоску и лень.

11.11.2009 г.

* * *

И снова я в краю родном.
Как все здесь дорого и мило!
Так отчего же так уныло
Гляжу на все? Грущу? О чем?
Я вижу вновь, как роца шалью
Сбегает в глинистый обрыв.
Гляжу, глаза рукой прикрыв,
И восторгаюсь звонкой далью.
Как дороги мне эти балки,
Крутые выгибы холмов

И солнечные блески-скалки
На ряби речки и прудов!
Моя любимая сторонка
До слез, до боли хороша.
Белоголовая девчонка
Смеется так же славно, звонко,
И грустью полнится душа.

11.08.1954 г., с. Подсереднее

Отрывки из автобиографического романа

«ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ...»

1. Вечер в Приколотном

Над городишком ночь густая
Нависла бархатным шатром.
Из мотыльков вуаль живая
Вилась, как дым, под фонарем.
На танцплощадке, как и надо,
В разгаре танцы до упаду.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Воронежский на всех парах
Промчался и исчез во мрак.
Сверчками темень огласилась.
Едва взошедшая луна,
Как капля светлого вина,
По тучкам-кочкам ввысь катилась
И, раздирая небосвод,
Сверкал огнями самолет.
Оркестр уж сотрясал эстраду,
И в вихрях танцев до упаду
Мелькали туфельки, чулки...
К ограде жались парубки,
Ловили взгляды, как награды.
На лавках мест свободных нет.
Ребята самых разных лет
Свисали гроздьями с ограды,
И беспокойный контролер
Смотрел с тревогой на забор...

12.09.1954 г.

2. На базаре в Приколотном

На рынке всюду фруктов горы!
Арбузы, дыни, помидоры –
Хоть пруд гати! Отара коз
С утра здесь месит свой навоз.
Соленья, перец, хрен, картошка,
Фасоль, чеснок, капуста, лук
На килограмм, по десять штук.
Открылись все лотки, лотошки,
Во всех рядах у всех подвод
Толпится и шумит народ.
Базар всегда хранит ревниво
Неповторимый шарм и шум.
Идешь на рынок как на диво,
Где каждый сват тебе и кум.
Вот фокусник детишек дурит,
С дивчиной парень балагурит.
Здесь жарит армянин шашлык,
А вот бывалый фронтовик

Наяривает на двухрядке...
Я торговался, выбирал
И торбу снедью загружал,
Хоть жала лямка на лопатки.
Всем нищим старцам у оград
Я подавал на самосад.

15.09.1954 г.

3. Сентябрь в Андреевке

Дни ранней осени промчались,
Как майского цветенья дым.
Друзья домой засобирались,
А я отправился к родным.
Андреевка. Мягутся тучи,
Шумит дубрава. Дуб могучий
Роняет желуди долой.
Пруды покрылись чешуей
Свинцовой ряби. Над дорогой
Драконом серым пыль бежит...

Родной, но как чужой мне вид!
Вот он на высоте пологой,
Как на ладони – хуторок
С амбаром длинным поперек!
Замедлил шаг, и вид унылый
Открылся прямо предо мной.
Вдруг рядом ворон чернокрылый
Закаркал громко над стерней.
Посеял ветер тучи в сите,
Из них серебряные нити
Полились вниз грибным дождем.
Ну, вот уже и отчий дом!..
Андреевку исколесил,
По рощам, по полям бродил.
Глядел на вянущие розы,
Распаханные груди нив,
Растрепанные косы ив
И белоногие березы.
Все реже солнышко сквозь тучи

Ласкало теплою рукой,
Плешивый клен, склонясь над кручей,
Стоял, несчастный и худой.
Дожди и ветра танцы злые
Раздели липы вековые,
Тонули балки меж холмов
В вуали полевых костров.
И все ж печаль моя светла!..
С тем и уехал из села.

30.09.1954 г.

4. Шиповатое – Андреевка

Свежо. Мороз иглы колючей
Пощипывает все сильнее,
Но мне от радости певучей
Все сладостнее и теплей.
Ездовый лошадей пинает,
Как видно, чувствует и знает,
Что дома мать совсем одна
И не отходит от окна.

Стемнело. Черный лес вздыхает,
Из-за холмов на небосвод
Луна в улыбке выплывает,
В зените звездный хоровод
Алмазной россыпью искрится.
Успеть мне надобно побриться,
На брюках стрелки навести,
Чтобы отца не подвести
И маме праздничным явиться.
О, стрелы радости, как пули,
Меня разили наповал,
В волнении моем раздули
Сыновних чувств девятый вал.
Отец и мать! Ну, кто ж еще
В моей любви к ним мог сравниться?
На сердце стало горячо...
Ну, как ему не колотиться!
О, царство белое вокруг!
Ездовый так пришпорил вдруг,

Что кони ринулись галопом!
Случился маленький «сюрприз»:
Он вдруг внезапно съехал вниз,
И мы в санях смешались скопом.
Нескоро страсти улеглись,
А кони, фыркая, неслись.
Мелькали справа буераки,
В высоких белых шапках пни,
Все ближе лаяли собаки,
Все ярче прыгали огни.
Спросил ездовый как о деле:
– Ну, как? Еще не околели?
Вот я как будто и не слаб,
Но даже в кожухе озяб.
Ну, и морозец, слава Богу!
– Эй, вы, залетные! Скорей! –
Ездовый пнул кнутом коней
И подкатил как раз к порогу,
А мамочка моя тотчас
Сошла с крыльца, встречая нас...

31.12.1954 г.

5. Морозное утро

Январь был тихим и морозным,
На солнце снег глаза слепил,
А по ночам под небом звездным
Голодный волк от стужи выл.
Дымы над крышами-горбами
В холодной мгле росли грибами,
И по селу из края в край
Звенел в ушах собачий лай.
Приятно нежиться в постели
И наблюдать, как за окном
Сияют на заре огнем
Засыпанные снегом ели
И как котенок тщится лечь
На пышущую жаром печь...

29.01.1955 г., с. Андреевка

**6. В Андреевке.
Двадцать лет спустя...**

Вернулся я в свой край родимый,
Он мне, как прежде, дорогой –
Он как очаг семьи любимой,
Как мать, отец и брат родной.
Любуюсь. Сладко потянулся
До хруста терпкого в плечах,
Чему-то в мыслях усмехнулся,
Слеза застыла на очах.
Я снял очки, чтоб не мешали,
Но нездоровые зрачки
Теряли в знойном небе дали
И села вроссыпь вдоль реки.
Глаза уставшие слезились,
Но светлой радостью светились...
И я стоял, все вдаль глядел,
Душой и телом молодец.
В пруду на дне глубокой балки

Сверкали солнечные скалки,
В воде крикливый рой ребят
Кишел проворнее утят.
И тут мне вспомнилось, как видно,
Что здесь вот так же, как они,
Я летом пропадал все дни.
«Эх, искупаться б! Несолидно?
И пусть!» – сказал я, как в суде.
Раздевшись, бросился к воде...

04.08.1978 г.

Трудное решение

Солнце в зените. Жара нестерпимая.
В небе ни тучки. Дрожит горизонт.
Ветер не дышит и, зноем палимая,
Степь выгорает. Я, прячась под зонт,
Днями сижу над рекой в отупении,
Жадно вдыхаю прохладу воды,
А за рекой в голубом обрамлении

Дремлют в покое леса и сады.
Солнце в зените. Глазами закрытыми
Роясь в былом, я забылся во сне.
Красками бледными полуразмытыми
Прошлое ярко рисуется мне.
Мысль глубоко окунулась в прожитое,
Роется в нем виноградной лозой,
И предстает незаметно забытое,
Взор застилая горячей слезой.
Горько и больно. Никто состраданием
Мне уж не может помочь. Все, конец.
Близится страшный момент расставания,
Только б не слезы, как кровь из сердец!
Вижу я, будто – читать захотите ли? –
В сени несут... черно-красный мой гроб...
Низко склонились над гробом родители,
Плача целуют холодный мой лоб.
Дед осеняет могилу знамением –
Все повидал он за долгий свой век,

Но чтоб такое!.. Родившийся гением,
Жалкий уходит с земли человек!
В мрачно-недвижной толпе окружающих
Я отыскал в черной бездне на дне
Взгляд вопросительный глаз умоляющих,
Глаз, никогда не рыдавших по мне...
Солнце в зените. Виденье ужасное
Разум гнетет, разыгралась мигрень.
Душу предчувствие гложет неясное.
Черная туча в безоблачный день
Напрочь закрыла Бурлук, Шиповатое,
Вот-вот гроза вслед за ветром грядет.
Вихрь, словно чудище буйно-кудрлатое,
Пыльной дорогой на речку ползет.
Я ожидаю грозу с нетерпением,
Тупо уставившись в серый песок.
Что ж, слава Богу, я принял решение...
Еду в казахскую степь!.. На Восток!

07.07.1956 г., с. Андреевка

* * *

Багряношумные дубравы
Дырявую бросают тень.
Пожухлые седые травы
Поникли на трухлявый пенёк.
Подлесок ярко зеленеет,
Рябина на опушке рдеет,
Березки трепетно дрожат,
Теряя золотой наряд.
Беспечный баловень природы,
Невесть куда тропой иду,
А надо мной сомкнулись своды
И отражаются в пруду.
Чащобы, просеки, поляны!
Я неразлучно с вами жил
И вас младенчески любил.
Дубы и липы-великаны!
Пришла минута расставанья
И добровольного изгнанья.

Прощайте, милые друзья,
Всегда вас помнить буду я.
Как с вами тяжело расстаться,
Когда вокруг все так светло!
Каникул времечко ушло –
Пора и в Харьков возвращаться...

04.10.1958 г., с. Андреевка

Сентябрь

Сентябрь. Зеленый бор и блекнет, и редет,
Все чаще вихри налетают – пруд рябеет,
Пылит дорога. Куст шиповника горит.
Земля, как камень, пересохшая звенит.
У верб качаются привязанные челны,
Гоня свинцовые морщинистые волны.
В поблекшем небе проплывают облака,
Уныло плещется угрюмая река.
Идут на станцию груженные машины,
Наполнив лязгающим рокотом долины.

Стерню сухую жгут. Мертвеющее поле
Прозрачной кисеей укутывает дым.
Вздохнулось легче пастухам –
стада на воле,
По балкам овцы растеклись ручьем живым.
По большакам пасутся сытые стада...
Сюиту осени играют провода.
Струится горький запах вянущей полыни.
Уж по утрам в затенках серебрится иней.
Зарделся глод, созрела черная маслина.
Уж бабье лето – полетела паутина.
Шумит камыш, чернеют вдалеке стога.
Гусиным криком оглашаются луга...

09.10.1962 г.

Зимний вечер

Горит закат во мгле морозной,
Чернеет лес да снег пылит.
Извозчик хмурый и серьезный

Доехать засветло спешит.
Свет гаснет в сумерках холодных,
В густую темень тонет день,
Пугает вой волков голодных
Детей окрестных деревень.
В ближайшем хуторе мелькают
Огни окон из края в край.
Нас и зовут, и привлекают
Дым, скрип ворот, собачий лай.
Мы мчимся. Лошади не слабы,
Дорога ах как хороша –
Ни переноса, ни ухабы!
Под стук копыт поет душа...

27.12.1973 г.

По дороге в Приколотное

Февральской с присвистом метелью
Лесные тропы замело,
Запрятался заяц под елью,

А белка укрылась в дупло.
В бору, в стороне от дороги
В норе затаилась лиса,
И спит где-то рядом в берлоге
Медведь, нашей пуши краса.
Гуляют с ветрами морозы,
Сбивают в сугробы снега,
И хлещет нагие березы
Свирепая злая пурга.
Дорога в сугробах терялась –
Ни конных, ни санных следов,
Но умная лошадь равнялась
На строй телеграфных столбов.
Стемнело. Метель спеленала
И небо, и степь, и столбы.
Вдруг лошадь заржала и встала,
Испуганная, на дыбы.
Возница сказал нам: «Там волки.
Не бойтесь!» А сам побежал,

Не целясь, стрелял из двустволки
И вскоре из виду пропал.
Вернулся он через минуту,
И лошадь, признав его власть,
Как буря, рванулася круто
И с места в галоп понеслась.
Мы знали, что серая стая
То слева, то справа от нас,
По брюхо в снегу утопая,
Сверкая глазами, неслась.
Но волки, не выдержав гонки,
Отстали. Евсей закурил,
Поправил хомут, посторонки
И рысью лошадку пустил.
На время мы вьюгу забыли,
Буран же крепчал и шалел:
Казалось, гиены завыли,
Казалось, что филин запел...

06.02.1983 г.

Майский день

Тополиным пухом
Кружится метель,
Золотистым брюхом
В мак забрался шмель.
Радуется пчелам
Майский медонос,
На лугу веселом
Первый сенокос.
Ветерок листает
Травы-ковыли,
Радуга сияет
Красками земли.
Птенчик желторотый
Учится летать,
С криком на воротах
Бьется птица-мать.
Морем золотистым

Поле разлилось,
Колоском остистым
К небу поднялось.
Грозы лишь пугают
В небе голубом,
Молнии сверкают
И грохочет гром.
Ветерок полощет,
Вся в цветах земля,
В изумрудах рощи,
В золоте поля.

28.05.2008 г.

Вечер в деревне

За рекою вдали
Скоро вспыхнет закат,
Затаились шмели
И хрущи не гудят.
Тишина. Воздух сух
И ленится дышать,
С одуванчиков пух
Перестал отлетать.
И ни лая собак,
Ни кудахтанья сов!
Переходит большак
Стадо сытых коров.
Лихо ласточки высь
Искромсали на хлам,
С кормом падают вниз
К большеротым птенцам.
Схоронившись в ветвях,
Соловей ждет невест,

И молчит в камышах
Лягушачий оркестр...
За рекою вдали
Догорает закат.
Совы песнь завели
Как вечерний набат.
По деревне идет
Перекличка собак.
Гармонист из ворот
Завернул на большак,
Надрывает меха,
Созывая девчат.
И горят лемеха,
Отражая закат.
Соловей уж запел –
И как гимн здешних мест
В камышах загремел
Лягушачий оркестр.

14.06.2008 г.

Матери

Давно мы не виделись, мама...

Хотя б на минутку, во сне!..

Тоска по тебе так упрямо

Живет неизбывно во мне.

Я памятью вижу живые,

Лучистые, будто слеза,

Усталые и голубые

Твои дорогие глаза.

Лицо твое в доброй улыбке

И мягкие складки морщин,

Платок в неизменной накидке

И волосы в блесках седины.

Твои исхудавшие плечи,

И тяжесть, и немощь в ногах,

Следы ревматичных увечий

На ласковых теплых руках.

Любовью сыновней горячей

Оплакиваю я тебя.

Люблю, неизбежно скорбя,
Свет глаз твоих, пусть и незрячих.
Эх, мамочка! Знаю: старею,
С тобой же – всегда молодой!
Поэтому сплю и лелею
Надежду на встречу с тобой.

19.10.2008 г.

Запахи лета

Как запахло полуденным летом!
Пыль дорожная, капли дождя,
Ошалев, из себя выходя,
Пляшут в воздухе, солнцем прогретом.
Как живителен привкус и запах
Неожиданной летней грозы!
Он рождается в елочных лапах
И в сережках цветущей лозы.
В ароматном букете вдруг грубо
Терпкий запах вас в ноздри кольнет –

В кроне тысячетлетнего дуба
Этот запах, наверно, живет.
Как же живо и ярко я чую
Пряный дух свежескошенных трав!
И дождинку с губ жадно слизав,
Я лелею грозу молодую.
Встала радуга в выси над плесом,
Небо коршун кромсает крылом,
Горделиво парит над утесом,
Позабыв и про бурю, и гром.
И душа вырывается птицей
И стремится, как птица, в полет.
Пережитое только лишь снится,
А грядущее вечно зовет.

17.05.2009 г.

* * *

Мать во сне, как и прежде, бывало,
Улыбнулась мне вяло-устало

И, взмахнув на прощанье платком,
Вдруг исчезла во мраке ночном.
«Не спеши! Ну побудь со мной, мама!» –
Я кричу ей напрасно вослед.
Только образ любимый упрямо
Растворился. И вот его нет!
Я во сне исповедуюсь маме
В неизбывных сыновьих грехах,
И стоит у меня пред глазами...
В серой урне нетлеющий прах.

13.06.2009 г.

Теленок

Сбивая босыми ногами
С травы ледяную росу,
Вдоль узких дорог меж полями
Корову с теленком пасу.
Всегда откликаюсь на имя,
Мне Майка послушна во всем.

Пускай наливается вымя
Целующим парным молоком.
Игривый теленок резвится,
Толкает мамашу в бока.
Он травкой не прочь поживиться,
Да шея еще коротка.
Все знает разумная Майка:
Вот-вот напасется и в срок
Доить ее будет хозяйка
В хлеву, а не в поле телок.
Мне жалко смотреть на телка
(Хоть жалости эти и плоски):
Напьется и он молока,
Но не из соска, а из... соски.

23.12.2009 г.

Мороз

Морозище! Снег колючий
Ветер гонит и кружит.

На печи, конечно, лучше –
Кот как раз там и лежит.
Дед Мороз вступает хмуро
Во владения свои.
В теплый хлев забились куры,
В стрехе скрылись воробьи.
Вечер бродит по сугробам
Шатко-валко, словно пьян,
И березка гнется, чтобы
Не сломал ее буран.
Мгла полнеба заслоняет,
Серым пламенем горит,
То как пес буран залает,
То вдруг в ставни постучит.
Что ж, крещенские морозы
Держат детвору в избе,
На окне рисуют розы
Детям, нам, ну, и себе.

17.01.2010 г.

Хочется жить...

Все чаще теперь от кошмаров во сне
В холодном поту просыпаюсь.
Как призраки, тени ползут по стене,
Без сна ностальгиею маюсь.
Из мрака воскресшего вдруг бытия
События, лица всплывают,
Забытая музыка, трель соловья
Мне душу тоскою терзают.
Поляны, тропинки, где в детстве бродил
И первой любви предавался,
Куда я всю жизнь, как к истоку, спешил,
Где сердцем всегда оставался,
Являются мне, чтоб я снова прожил
Хоть миг, хоть минуту в те годы.
Я все, что нажил, ничего не забыл –
Падения, взлеты, невзгоды.
Мучительно мне, словно боль, сознавать,
Что все это кануло в лету.

Самому с собой соревноваться
Все трудней, сложней – я вам не лгу.
Поговорка есть у нас такая –
Мол, давай тряхнем-ка стариной.
Это можно. Но, собак пугая,
Лучше уж отправиться домой.
Не страшусь житейской круговерти
И с болезнями еще побьюсь.
Не боюсь скоропостижной смерти,
Безотрадной немощи боюсь.
Снег летит и падает, и тает,
Я снежинки слизываю с губ.
Пусть метель с присвистом наметает –
Выстою ее, как старый дуб.
Выстою! И не себе, а вам я,
Как перед иконой, говорю:
Стар, конечно, но я жив, горю!
Только вы щадите это пламя...

25.01.2009 г.

Ностальгия

Душа не мирится с утратой
Того, чего нельзя вернуть.
Какой ж горькою расплатой
Мы в нашей жизни небогатой
Так щедро устилаем путь!
Как больно с сущим расставаться,
Из яви в память предавать!
Не будет ли наш ум смущаться,
Не будет ли душа метаться,
А сердце биться и сжиматься,
Когда придется вспоминать?
Воспоминания прибоем
Зальют, как вешняя река,
И мы расстанемся с покоем
И затоскуем, и заноем,
И вдруг поймем, чего мы стоим,
Коль посмотреть издалека.

О, до чего ж ты, ностальгия,
Как кровь, солена и горька!
Как тени, образы родные,
Далекие, почти чужие
Мы внемлем, как глухонемые...
Как жизнь нелепо коротка!

17.02.2011 г.

Мамины глаза

По ночам от видений во сне
Я все чаще теперь просыпаюсь,
Зажигаю ночник на стене,
До утра в своей жизни копаюсь.
И являет немое кино
Дорогие до боли мне лица.
Светит святостью только одно,
Материнской любовью искрится.
Я боюсь потерять свет лица,

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Теплый взгляд, и улыбку в морщинках,
И слова – завещанье отца
После похорон на поминках.
Дня прожить я без них не могу,
Ожидая свиданья ночами,
Чтоб увидеть себя на лугу
В нежных, теплых объятиях мамы.
Сладко чувствоваться малышом,
Понимать, как тобою гордятся,
И надеяться позже, потом,
На тебя до конца полагаться...
Я пред мамою в вечном долгу.
Закрывая глаза ей навеки,
Еще теплые, влажные веки
Жгли ладонь мне. И жгут... Я не лгу.

29.03.2011 г.

В плену у тайны

Ночь черна, нема и холодна,
Мокрый ветер шарит за стеною,
Ставнями стучится у окна,
Наполняет комнату тоскою.
Ночь. Не спится. Мысленно лечу
В край родной и годы молодые,
Узнаю, волнуюсь и молчу,
Вглядываясь в лица дорогие.
Как живые, мне в глаза глядят
Мать, отец, меня теперь моложе.
Нету их, они давно молчат –
Вспомню и... опять мороз по коже...
Голоса живых, как говорят,
Мертвые во тьме могильной слышат
Каждой ночью. Боже мой! Свят, Свят!
Тени страха заползают с крыши...
Ночь черна, нема и холодна,
Мокрый ветер шарит за стеною.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Неизвестность бродит у окна,
Чтобы утром встретиться со мною.

02.07.2011 г.

Опостылел городской уют.
Окажись в лесу я или в поле,
Детство, юность радугой встают,
Дорогие мне до слез, до боли.
Сердце екнет, душу защемит,
Как увижу рощу лип с березой,
Как ребенок по лугу бежит
И как шмель заигрывает с розой.
Хуторок совхозный на холме,
Рядом пруд в глуши лесистой балки...
Как горят, искрятся в водной тьме
Золотые солнечные скалки!
Дым-дымок от полевых костров

По-родному ноздри мне щекочет,
Стадо сытых телок и коров
С поля уходить в сарай не хочет.
На дороге редкий грузовик
Ввысь султаны пыли поднимает
И собачий лай, гусиный крик
Рокотом мотора заглушает.
Во дворе мои отец и мать
День вершат домашними делами...
Радостно и больно воскрешать
Из небытия отца и маму...

24.08.2011 г.

Весна

Ветры молодые
Снег сгоняют с круч,
Краски голубые
В дырах между туч.

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

На деревьях голых
Спор грачей идет –
Здесь у новоселов
Полон клюв забот.
Вылезли из почек,
Будто из избы,
Светлые комочки
На ветвях вербы.
Зеленеют лозы
В балке луговой,
По коре березы
Каплет сок слезой.
И грызет орешник
Зайчик-сорванец,
Занял свой скворечник
Старожил-скворец.

24.03.2012 г.

Навстречу ветру

Я свои объятия раскрою
И навстречу ветру побегу,
Чтобы слиться с молодой весною
И упасть росой на лугу,
Чтоб метелью белого цветенья
Пронестись над полем и селом,
Чтоб разлиться соловьиной трелью
И растаять в мареве ночном.

26.03.2012 г.

Книга жизни

В небытие уходят дни,
И с каждым расстаюсь тоскуя.
На чем держусь? И чем живу я?
Воспоминания одни...
Куда девались пылкий ум,
Свет мысли, устремлений ярость?

А что осталось? Тяжесть дум,
Опустошительная вялость
И преждевременная старость?
Когда один я спать ложусь
И долго, трудно засыпаю,
Я в прожитое окунусь,
Как книгу, жизнь свою листаю...
В ней уйма дел, событий, лиц,
Борьбы, и взлетов, и падений!
И все же несколько страниц
Я б выбросил без сожалений...

07.06.2012 г.

Очі квітнуть

Ти увійшла, як ранок у віконце,
В моє буденне буття,
Осяяла гарячим сонцем
Й моє життя на все життя.
Тепер, як в надвечір'я сутеніє

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

І вже вітри не дують молоді,
Болить що-небудь, щось на серці ние,
Марніє пам'ять, голова сивіє,
От тільки очі... квітнуть, як тоді...

08.07.2012 р.

* * *

Как часто трудно мне
Забыться и уснуть,
Чтоб снова хоть во сне,
Хотя б на миг вернуть
До боли милые бурлукские равнины,
Глубокие овраги и долины,
Опустошительной войны руины –
В крови, в слезах немыслимую жуть!
Я ощутил бы вновь
Тепло родной семьи,
Где счастье и покой,
Весною соловьи,

И пульс житъя убогостью лишь и богатого
От Приколотного и аж до Шиповатого,
Себя, хоть в чем-нибудь, да виноватого
За подвиги и шалости мои.

06.05.2013 г.

Откуда пошла Слобожанщина

Московским царям доставляли забот
Кочевников дерзких набегу.
Они обирали и чернь, и господ,
В особенности печенеги.
Царизм заселенье степей поощрял
С кочевниками сопредельных,
От рекрутства, подати освобождал
Свободных крестьян безземельных.
Сухотин по воле царя основал
Донецкую крепость Чугуев.
Твердыня стояла у глиняных скал

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

С плацом, где Сухотин на колья сажал
Врагов и своих обалдуев.
И вновь из столицы депеша пришла
(Одна за другою нелепость).
Сухотин немедля оставил дела,
Возвел и на Харькове крепость.
А дальше с десятков таких крепостей
Поставил в степях воевода.
Продвинулась вглубь печенежских степей
Славянская наша порода.
Вот так и возник Слобожанский наш край,
Средь дикого поля хозяин!
Он жил и сражался здесь, как самурай,
В защиту российских окраин.

01.07.2013 г.

Ели

Есть в нашем парке роща темных елей,
Высоких, стройных, старых и родных.
Эх, сколько лет из январей-апрелей
Я вспоминаю с болью возле них!
Мне эти ели *ТЕ* напоминают,
С которых в детстве слазить не хотел.
Они, видать, по-родственному знают,
Что я с тех пор к ним сердцем прикипел.
Лишь только в гости к ним теперь приду я,
Увижу их темно-зеленый строй,
Поглажу кору серо-золотую,
Я таю в детство сердцем и душой.

04.05.2014 г.

Таял, млел...

Воспоминания питают
Воображение мое,
Теплом и светом наполняют
Мое бесцветное житье.
Я трепетно, до слез волнуюсь
И вновь, как будто бы сквозь дым,
И радуюсь, и вновь люблюсь
Семейным счастьем молодым.
Как же давно все это было!
Но я сквозь годы разглядел:
Мое дитя смеялось мило,
А я от счастья таял, млел...

20.04.2014 г.

Весенняя гроза

Тучища, как Божий гнев, сурова
Выползает из-за горизонта.
Все живое ищет себе крова
Перед шквалом грозового фронта.
Налетели вихри на дорогу,
Вздулись к небу серые султаны,
Православный храм и синагогу
Спеленали пыльные туманы.
Вот и дождь стозвонкою шрапнелью
Застучал всюду по спинам крыш.
Посмотрите: спрятались под елью
Серый кот и серенькая мышь.
Не люблю грозу в начале мая,
Как бы ни гремел весенний гром
И блистала радуга цветная,
Став дугою в поле за селом.
Радуются только лишь мальчишки –
Молния и гром им нипочем –

Закатав дырявые штанишки,
Бегают по лужам босиком.
Нынче по проселочной дороге
Стало ни проехать, ни пройти.
Вспоминают мужики о Боге,
Увязая в грязь на полпути.
Вылезает из-под мокрой квочки
Прямо в лужу целый строй цыплят.
Маленькие желтые комочки
Пачкать грязью лапки не хотят.
Отшумев, гроза ушла учтиво,
Будто неожиданная гостья.
Ей вослед умно на хлебной ниве
Закивали мокрые колосья.
Не люблю грозу в начале мая
С молниями, ливнями и громом!
Пусть плывут, резвяся и играя,
Тучки-кочки в небе невесомом.

18.05.2014 г.

В пятьдесят четвертом

Помнится, как в пятьдесят четвертом
Было мне легко и интересно,
Был готов я драться даже с чертом,
Если в жизни становилось тесно.
Восемнадцать было! Боже правый!
Как легко тогда барьеры брали!
Ну, а лошадей на переправах
Мы, рискуя, все-таки меняли...

29.05.2014 г.

* * *

Я мысленно лечу в края родные,
Чтоб детства босоногого глотнуть,
Где и дубы, и ели вековые
Господь сумел за облака взметнуть.
Люблю в такие сладкие минуты
Пить из ключа и слушать соловья.

И понял, как важны для человека
Сплав дел и душ на жизненных дорогах.
Но жизнь есть жизнь. Я мысленно встречаю
Кого хочу, всегда, когда хочу,
И в памяти желанно воскрешаю
Все-все, о чем кричу или молчу.
Как дороги мои воспоминанья!
Все больше ими я теперь живу.
Витать, летать в просторах мирозданья
В мечтах свободнее, чем наяву.
Нет, я пустых фантазий не приемлю –
Я только лишь тому, чем раньше жил,
Открытыми душой и сердцем внемлю,
Люблю лишь то, что я недолюбил.

22.06.2014 г.

* * *

Я от пеленок вырос в Подсереднем,
И тем, чем есть, я в Подсереднем стал.
Я не был там ни первым, ни последним,
Но *никаким* там точно не бывал.
Я был, как все, обычным сельским парнем,
Но, как никто, в поэзию влюблен –
Писал стихи и в поле, и в пекарне,
Под стук колес, под птичий перезвон,
Под лай собак и колокольный звон,
Писал, когда мне по ночам не спится,
А будущее в алых розах снится.
Как много и тетрадок, и альбомов
Своих стихов я в юности терял
На гранях частых жизненных разломов –
Дарил, терял, невесть где оставлял...
Мне очень жаль...

Остались крохи, малость,
Но мне и их, пожалуй, не сыскать.

Что ж мне теперь, на склоне лет, осталось?..

Утраченное прежде наверстать!

22.06.2014 г.

Тучка

Тучка белокурая

По небу плыла,

Думая: не дура ль я,

Может, блажь нашла?

Я плыву над озером

В голубой волне

И в рассвете розовом

Все дивятся мне.

Сбрасывают пахари

Утреннюю дрожь

И провидцы-знахари

Предвещают дождь.

Солнышко высокое

Ввысь меня манит,

В полюшко широкое
Тень моя бежит.
Я легка, как перышко,
Целый день лечу,
Влаги ни ведерочка
Вылить не хочу.
Над деревней в ясный день
Весело кружить
И тем паче на плетень
Тени наводить.
Солнце клонит набекрень,
Близится закат.
Отлетела моя тень
Далеко назад.
Вспыхнула в закате я,
Как огонь, красна,
Пала на распятие
Я уже черна.
Ночь пройдет. И снова я,

Зелена, как грусть,
Розовая, новая,
В небо поднимусь.

10.02.2015 г.

Перед грозой

Тучи, слившись в стадо-череду,
Кроют небо пестрым женским зонтом
И сбиваются над горизонтом
В мрачную свинцовую грядку.
Тихо, как всегда перед грозой, –
Ни один листок не шелохнется,
Пахнет пыль лампадкой восковой,
Ласточкам птенцов кормить нейдет.
Насекомых жмет к земле гроза,
Птицы-молнии шугают низко...
Вдруг ударил гром совсем уж близко.
Мечется на привязи коза.
Взвился ветер, словно пес цепной,

Поднял и понес султаны пыли,
Молнии сверкали и слепили,
Залпы грома уши заложили,
Хлынул дождь веселый и шальной.

08.10.2017 г.

Родник

Да, память, как кровь, вся во плоти моя,
Ни с кем и ни с чем не поделится
И, лишь от меня ничего не тая,
Незримым путем жизни стелется.
На память надеюсь, она – мой дневник,
В ней все, что мне нужно, находится:
События, люди и родины лик
Мне явит сама Богородица.
Да, память – компьютер, который хранит
Количества, соотношения
Того, что не гибнет и звонко журчит, –
Родник бытия и забвения.

09.03.2019 г.

* * *

Сияет вечность голубая,
Лаская светом и теплом.
Лечу почтить Девятым мая
В родимом доме мать с отцом.
Вот позади уже дорога,
Запахли вечным и хмельным
Кусты сирени у порога,
Цветенья яблонь перед ним
И летней кухни терпкий дым.
С крыльца меня встречает кошка,
Пронзив хвостом сиянье дня.
Из-под нее котенок-крошка
Воззрился слепо на меня.
Как дорого все это, мило!
Так празднично, как в светлом сне!
Я счастлив тем, что это было
И до сих пор живет во мне!

30.03.2019 г.

Моя биография

Девять лет я прожил в Бурлуке,
Дальше шесть в соседнем Подсереднем.
Детство мне далось не налегке,
Как и большинству мальчишек в среднем.
На сиротство я не потянул,
Слава Богу! Видел я разруху,
Слышал я артиллерийский гул,
Ел лесную порось и макуху.
А когда воздушные бои
Здесь до апогея доходили,
Видел, как сбивали лишь свои, –
Мессеры подбитые чадили,
Падая в поля в дубовый лес,
А в Бурлук вошли свои танкисты...
Видно, слышно было до небес,
Как в подворьях шастали чекисты...
Власть – она и есть повсюду власть!

Полицаев всех переловила,
А чтоб пред людьми в глазах не пасть,
Водкой и тушенкой наделила.
Не было пятнадцати – я стал
Техникумовским, как все, студентом,
Свой диплом с отличием получал
В списке выпуска пятипроцентном.
Выдал мне Минхим путевку в вуз.
Вновь пять лет я грыз свою науку.
Я гулял в деревне, словно туз,
Даже предколхоза жал мне руку!
После института я в НИИ
Уж не грыз, а сам искал ответы
На вопросы строек и мои
Чтоб давать проекты и советы.
ЮжНИИ, конечно, мой венец!
Не пора ли мне остановиться?
Но ведь остановка есть конец,
Большого хотелось мне добиться!

Институтский бывший мой «патрон»
Пригласил к себе в аспирантуру:
Был как никогда серьезен он,
Предложив мою кандидатуру.
Будто землю я два года рыл
Собственный НИИвский прошлый опыт,
Но меня все это время крыл
Гневный окрик, громкий грозный топот –
Изумленный мой ретивый босс
Бушевал: «Ты бюрократ! Тянучка!
Что случилось? Что с тобой стряслось?
Ничего?!. Тогда по делу взбучка!»
Я досрочно труд свой защитил
В Белокаменной, в Ряду Охотном.
ВАК тотчас диплом КН вручил
В коленкоре твердом и добротном.
С той поры я пять десятков лет
На преподавательской работе.
Лучшего пути, чем этот, нет!
Кончу опус на мажорной ноте...

02.05.2020 г.

* * *

Мне восемьдесят с лишним лет,
Остаток жизни – малость.
Всего, что было, больше нет,
Лишь в памяти осталось.
А вспомню – кругом голова –
Калейдоскоп событий!
И снова жизнь моя жива
Для мыслей и открытий...
Вот я у мамы на руках,
Смешной щекастый мальчик, –
Еще витает в облаках,
В кого-то тычет пальчик...
Вот я в кругу моей семьи
В день злой войны начала:

Едва отпели соловьи –
Она отца призвала...
Осиротела вся родня –
Мои дядья и тетки,
Оставив стариков, меня,
Одетые в пилотки,
Ушли с врагами воевать.
Вся жизнь пошла натужно!
Как тяжело писем с фронта ждать,
А большего ль нам нужно!
«Воюю, жив я и здоров,
Чего и вам желаю!» –
Дороже этих теплых слов
За всю войну не знаю.
Сплошь разрушения в селе,
В бурьяне огороды,
Но и на выжженной земле
Явились жизни всходы.
С войны вернулись сыновья,

Отцы, мужа и братья.
За дело принялись дядя,
Закончились объятья.
Кто без ноги, с увечьем рук,
Снег седины и шрамы –
Отметины кровавых мук,
Следы военной драмы!
Отстроились и обжились,
Украшились усадьбы,
Невестами обзавелись
И заиграли свадьбы...

12.03.2021 г.

Моя родня

Родственников я имел премного,
Их теперь почти что не осталось:
К Богу ли нашли свою дорогу
Иль невесть куда-то подевались.

Может, жив-здоров мой братец-тезка –
Виделся с ним в возрасте подростка.
Может быть, жива еще Светлана,
А она, отца лишившись рано,
Потерялася в большой Одессе,
Переехав с сыном на Пересыпь.
Не видать племяшки Александра,
Сына моего родного брата:
Завлекла его сама Кассандра –
Слышал, что воюет за Донбасс,
Отличился там как снайпер-асс.
В Бурлуке двоюродный брат Коля
В алкогольной мучился неволе
Или же, я слышал, может быть,
Бросил безобразничать и пить.
Потерял из виду Серафиму,
О Ларисе тоже неизвестно.
Деды, бабки, и отец, и мама
Вечно почивают под крестами

На горе высокой Осиянской
В обстановке скромной и спартанской.
Слава Богу, есть две Валентины –
Брата овдовевшая жена
И вобравшая в себя картины
Всей бурлукской солнечной долины
Валечка, искавшая меня.
Валей, мне двоюродной сестрицей,
Земляки не могут нахвалиться –
Хоть вдовая, весела и с виду
Никому не даст себя в обиду.
Приезжала, в гости приглашает
Хоть денечек в доме с ней побыть.
Не поехал. Бог один лишь знает,
Что меня могло остановить.
Испугался сильных потрясений?
Остроты эмоций? Я не гений –
Очень я хотел бы посетить
Уголок земли, где я родился,

Пережил кровавую войну.
Ждал, хотел, но вдруг остановился
И... отправил дочь свою одну...
Все, что видеть мне хотелось, дочке
Валя показала все до точки,
Все усадьбы, тропки, уголки
Засняла все виды на планшете,
И теперь я зрю... руины эти...
То, что я увидел и услышал,
Потрясло меня до онеменья,
С головы моей «слетела крыша»,
Свет затмила боль недоуменья...
На местах родового жилища
Не осталось даже пепелища.
Вместо чисто убранных подворий
Бурьяны, крапива и цикорий.
Нет развалин, где обычно кошки
Ждут хозяев, обернувши ножки
Сохраняющим тепло хвостом.

Огород зарос чертополохом,
Нет следов, намеков о былом –
Только столб стоит, обросший мохом..
Древо жизни вырвано с корнями,
Только память, как в бездонной яме,
Из забвенья подает нам глас,
Радую сознание, ухо, глаз.
... А поселок? Он цветет и пахнет!
Кто давно здесь не был, просто ахнет –
Всюду ели, клумбы и рабатки,
Улицы ухожены в порядке,
Пожилым уютные местечки,
Пруд, подпертый дамбою на речке,
По нему плывет катамаран!
Не мерещится мне? Не обман?..

01.11.2019 г.

В историю вошло

В нашей маленькой отчизне
Прожил я лишь девять лет –
Первоцвет всей долгой жизни,
В коей уж цветенья нет.
В славном слобожанском крае
В строе балок и холмов
Хлебосольны урожаи
Овощей, бахчи, хлебов.
Здесь пожар войны жестокой
Рушил, убивал и жег,
Но народ мой светлоокий
Все, что дорого, сберег.
Все отстроил, еще краше
Наш Бурлук восстановил.
Жаль, что я селенье наше
Лишь заочно посетил.
Нет того, что в сорок пятом,

Расставаясь, видел я!...
На кладбище небогатом
Под крестами вся семья.
И отец, и мама рядом,
Обе бабки и деды!..
Все, что ни окинешь взглядом, –
Только в памяти следы.
Нет ни хат, ни огородов,
Все бурьяном заросло...
Нет в семье смертей и родов,
Все в историю вошло...

03.05.2020 г.

Публикации о В. Т. Доле

1. Доля Владимир Тимофеевич : [краткая информация об авторе] / Экономический анализ : учеб. пособие / В. Т. Доля ; Харьков. нац. акад. гор. хоз-ва. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев : Кондор, 2007. – 224 с.

2. Доля Володимир Тимофійович // Академія міст. – 2002. – № 7. – С. 1.

3. Доля Володимир Тимофійович // Харківська державна академія міського господарства / [редкол.: Т. П. Єлісеєва, О. Л. Рябченко, Н. П. Тріпутіна та ін. ; гол. ред. Г. В. Стадник]. – Харків : Золоті сторінки, 2002. – С. 85–87, 100.

4. Доля Володимир Тимофійович // Харківський національний університет міського господарства ім. О. М. Бекетова : монографія / [керівник вид. проекту В. М. Бабаєв ; редкол.: Л. М. Шутенко, Г. В. Стадник, Т. П. Єлісеєва та ін.]. – Харків : Золоті сторінки, 2012. – С. 152, 163, 171, 172, 202, 210, 246, 248, 249, 402, 486.

5. Историко-літературне видання. **Альманах музею.** Випуск 23. Серія «Видатні імена». **ДОЛЯ ВОЛОДИМИР ТИМОФІЙОВИЧ.** (ред. кол. Л. М. Шутенко, Т. П. Єлісеєва, Т. О. Лобинцева, Т. В. Малиніна, Н. О. Євсюкова, Ю. В. Кучнева, Т. В. Момот, Ю. І. Мізік, Д. Т. Момот, Ю. В. Доля). *Випуск альманаху присвячений 80-річчю від дня народження Володимира Тимофійовича Долі, професора, завідувача кафедри економіки будівництва (1973-1992), академіка Академії будівництва України, лауреата премії імені академіка М. С. Буднікова, кавалера ордена «Знак Пошани», Заслуженого професора ХНУМГ ім. О. М. Бекетова.*

<https://drive.google.com/file/d/1UWHlqJvpjTGUyYWA6EoxjDYg4e30IsH1/view>

Содержание

Об авторе	4
Автор о себе	6
ВОЕННОЕ ДЕТСТВО Рассказы в стихах	7
22-е июня 1941 г.	7
Я – Света (июнь 1942 г.)	8
Маруся (осень 1941 – весна 1942 г.)	13
Выстрел (май 1942 г.)	16
Прометей (1941 – 1942 гг.)	20
Фриц и лошадь (июль 1942 г.)	22
Бинокль (июль 1942 г.)	24
Грона (лето 1942 г.)	27
Диверсант (август 1942 г.)	30
Огурец (сентябрь 1942 г.)	33
Фонарь (ноябрь 1942 г.)	35
Мой дед (декабрь 1942 г.)	38
Танк (январь 1943 г.)	42
Фон Макарыч (1942 – 1943)	45

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Ракетница (февраль 1943 г.)	49
Оркестр (лето 1943 г.)	52
Школа (осень – зима 1943 г.)	53
Кизяковая канонада (зима 1943 – 1944 г.)	60
Весна (1944 – 1945)	62
ОТЕЦ Поэма (июнь 1941 – август 1945 г.)	65
Плен	65
Скитания	67
Штрафбат	70
От Харькова до Пруссии	75
Возвращение	78
Ели (лето 1946 г.)	82
Голод (1946 – 1947)	86
Бильярдные шары (июль 1947 г.)	91
Кирпич (1947 – 1948)	93
Белоголовая девчонка	97
Ваня Коробов	98

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Дедушкина дочь	103
Воспоминания о Подсереднем (1945 – 1951)	106
Околицы	106
Господский дом	107
Школа	109
Учителя	111
Дед Мазай	113
Прощание с детством (30 августа 1951 г.)	115
ВЕЛИКИЙ БУРЛУК – МОЯ МАЛАЯ РОДИНА	119
Бурлук <i>23.11.2019 г.</i>	119
Переможці <i>31.05.2010</i>	127
Берёзка <i>08.11.1955 г., с. Андреевка</i>	128
Мой дед Степан Григорьевич <i>31.05.2010 г.</i>	130
Мой дед Евстафий Васильевич <i>30.05.2010 г.</i>	135

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Мои няньки	25.05.2020 г.	139
Утро...16.06.1981 г.		142
Знойное лето 06.07.1953 г., с. Андреевка		143
Хмурая осень	25.10.1953 г., поезд Харьков – Купянск	144
Гербарий	11.11.2009 г.	146
«И снова я в краю родном...» 11.08.1954 г., с. Подсереднее		147
Отрывки из автобиографического романа «ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ...»		148
1. Вечер в Приколотном 12.09.1954 г.		148
2. На базаре в Приколотном 15.09.1954 г.		150
3. Сентябрь в Андреевке 30.09.1954 г.		151
4. Шиповатое – Андреевка 31.12.1954 г.		153

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

5. Морозное утро 29.01.1955 г., с. Андреевка	156
6. В Андреевке. Двадцать лет спустя... 04.08.1978 г.	157
Трудное решение 07.07.1956 г., с. Андреевка	158
«Багряношумные дубравы...» 04.10.1958 г., с. Андреевка	161
Сентябрь 09.10.1962 г.	162
Зимний вечер 27.12.1973 г.	163
По дороге в Приколотное 06.02.1983 г.	164
Майский день 28.05.2008 г.	167
Вечер в деревне 14.06.2008 г.	169
Матери 19.10.2008 г.	171
Запахи лета 17.05.2009 г.	172
«Мать во сне, как и прежде, бывало...» 13.06.2009 г.	173
Теленок 23.12.2009 г.	174

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Мороз...17.01.2010 г.	175
Хочется жить... 24.02.2011 г.	177
Пламя 25.01.2009 г.	178
Ностальгия 17.02.2011 г.	180
Мамины глаза 29.03.2011 г.	181
В плену у тайны 02.07.2011 г.	183
«Опостылел городской уют...» 24.08.2011 г.	184
Весна 24.03.2012 г.	185
Навстречу ветру 26.03.2012 г.	187
Книга жизни 07.06.2012 г.	187
Очі квітнуть 08.07.2012 р.	188
«Как часто трудно мне...» 06.05.2013 г.	189
Откуда пошла Слобожанщина 01.07.2013 г.	190
Ели («Есть в нашем парке роща темных елей...») 04.05.2014 г.	192
Таял, млел... 20.04.2014 г.	193

Владимир Доля ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Весенняя гроза <i>18.05.2014 г.</i>	194
В пятьдесят четвертом <i>29.05.2014 г.</i>	196
«Я мысленно лечу в края родные...» <i>22.06.2014 г.</i>	196
«Я от пеленок вырос в Подсереднем...» <i>22.06.2014 г.</i>	199
Тучка <i>10.02.2015 г.</i>	200
Перед грозой <i>08.10.2017 г.</i>	202
Родник <i>09.03.2019 г.</i>	203
«Сияет вечность голубая...» <i>30.03.2019 г.</i>	204
Моя биография <i>02.05.2020 г.</i>	205
«Мне восемьдесят с лишним лет...» <i>12.03.2021 г.</i>	208
Моя родня <i>01.11.2019 г.</i>	210
В историю вошло <i>03.05.2020 г.</i>	215
Публикации о В. Т. Доле	217
Содержание	218

Літературно-художнє видання

Доля Володимир Тимофійович

ВОЄННЕ ДИТИНСТВО

Оповідання у віршах. Вірші

Укладач Ю. В. Доля

Видання російською мовою

Підписано до друку 19.03.2021 р. Формат 60x90 1/16.
Папір офсетн. Друк – різнографія. Ум. друк. арк. 13,1
Гарнітура Times New Roman. Наклад 50 прим. Зам. №19-03/21

Віддруковано

«ФОП Напольська А.В.»
Виписка з ЄДР ЮО та ФОП № 2 480 000 0000 152491
від 01.10.2013 р.
м. Харків вул. Я.Мудрого (був. Петровського), 34
т.: 700-42-81

